Г.В.Туркнн
Иркутский государственный технический университет

ПЛИТОЧНЫЕ МОГИЛЫ ПАДИ ОЛЗОНТЭЙ

Введение

Погребальные комплексы, известные в научной литературе как плиточные могилы, распространены на довольно обширной территории - Южном Забайкалье, Центральной и Восточной Монголии. Западное побережье озера Байкал является крайней западной зоной их известного ареала. Непосредственно в Предбайкалье плиточные могилы достоверно отмечены в двух остепненных районах - Кудинской долине и Приольхонье.

Актуальность изучения плиточных могил обусловлена теми культурными изменениями, которые связываются с населением, их оставившим. Появление на территории Предбайкалья носителей степной культуры знаменовало собой начало новой эпохи в этой части Восточной Сибири (Окладников, 1955а, 19556). В течение I тыс. до н.э. был совершен переход от бронзового века к железному и от присваивающего хозяйства к производящему (Харинский, 1995). К западу от Байкала появились носители иной материальной и духовной культуры, оказавшие, вероятно, значительное влияние на формирование последующего населения Предбайкалья.

История исследований

Со времен исследования первых плиточных могил в Предбайкалье прошло уже более 120 лет. В 1881 г. местным жителем Копернииким по поручению видного краеведа Н.Н.Агапитова были раскопаны три сооружения из вертикапьно поставленных плит на Тырганском могильнике в Приольхонье. В двух первых могилах ему попались разрозненные кости человека, в третьей - скопление углей и продырявленный кусочек слюды (Агапитов, 1881).

В 1952 г. экспедицией под руководством А.П.Окладникова, исследовавшей городище и писаницы горы Манхай в долине реки Куды, были открыты и начаты раскопки каменных кладок, отличительной чертой которых являлись вертикально вкопанные плиты. Исследовавшийся до 1957 г. могильник состоял из 13 кладок, которые и были раскопаны. Полученный в результате раскопок материал лишь частично опубликован, причем не показаны как обстоятельства находок, так и их принадлежность к определенной могиле (Окладников, 19556: 195). Подводя итоги проведенным исследованиям, автор приходит к нескольким выводам. Во-первых, достаточно четко прослеживается сходство плиточных могил Манхая и забайкальских плиточных могил. Во-вторых, определена хронологическая принадлежность погребальных комплексов. Автор определяет время появления носителей культуры плиточных могил к западу от Байкала 111 - самым началом II в. до н.э. и связывает их миграцию в район, где "не обнаружено более древних плиточных могил бронзового века" (Окладников, 19556, стр. 195), с экспансией хуннов. Надо отметить, что высказанной точки зрения о времени и причинах миграции плиточников А.П.Окладников придерживался до конца жизни (Окладников, 1982). Впоследствии к точке зрения А.П.Окладникова о причинах и времени появления представителей культуры плиточных могил в Предбайкалье присоединились Н.Н.Диков, В.В.Свинин, И.В.Асеев, Ю.С.Гришин (Диков. 1958; Свинин, 1971; Асеев, 1980: Гришин, 1981). Кроме того, А.П.Окладников подчеркивал, что "продвижение забайкальских скотоводов в долину р.Куды, несомненно. было подготовлено предшествующими связями степных племен с Прибайкальем.....тем, что эти племена должны были иметь какое-то представление об этом районе, а может быть и бывали в нем" (Окладников, 19556: 196). Относительно связей между "новым, пришлым племенем" (Окладников, 19556:194) и местным населением автор довольно туманно высказывался в том смысле, что они не могли пройти бесследно.

К 1956 г. относится продолжение раскопок Тырганского могильника экспедицией Иркутского госуниверситета под руководством П.П.Хороших, Э.Р.Рыгдылона и В.В.Свинина, которыми были вскрыты четыре плиточные могилы. В опубликованной спустя 15 лет заметке содержатся описание и анализ исследованных погребений (Свинин, 1971). Нечеткие рисунки и лаконичное описание, к сожааению, не дают ясного представления для интерпретационного исследования надмогильных и внутримогильных конструкций. Отсутствует план могильника, поэтому непонятно его топографическое положение. Обнаруженные фрагменты керамики, орнаментированные отступающей лопаточкой, автор считает принадлежащими более раннему периоду -глазковскому. Связано такое утверждение с тем, что "могильник расположен на более древней стоянке" (Свинин, 1971:144). Находок в раскопанных комплексах оказалось немного, следы захоронения зафиксированы лишь в одном из них. Найденные восемь литых бронзовых пуговиц и пастовая бусина позволяют, по мнению автора, отнести Тырганский могильник к III—II вв. до н.э.

С 1977 г. на территории Предбайкалья начинается более активное изучение позднего бронзового века. В том же году археологическим отрядом ИГУ под

руководством В.В.Свинина на о.Ольхон на местонахождении Хужир II раскопана плиточная могила № 1. Материал, полученный в результате раскопок, позволил сделать ряд важных умозаключений. Во-первых, благодаря находке бронзовой застежки в виде двух фигурных блях, на которых изображен свернувшийся в кольцо хищник, было переопределено. до VII-VI вв. до н.э., время появления носителей культуры плиточных могил в Приольхонье. Во-вторых, для анализа этнических процессов в Предбайкалье был зафиксирован интересный факт - в поддерновом слое, на глубину до плит перекрытия располагались фрагменты курыканской (по определению авторов раскопок) керамики, а также костные остатки животных, в том числе череп быка. Комментируя вышеприведенное открытие, авторы поставили вопрос об определении связей между ранними и поздними кочевниками Предбайкалья, связанных с "материальными остатками очень древнего обряда почитания прежних хозяев данной местности' (Зайцев. Свинин, 1978: 41). В более поздней работе такая культурологическая ситуация трактуется как курыканский жертвенник (Горюнова, Свинин, 1996:86).

К 1978 г. относится изучение отрядом под руководством И.В.Асеева плиточной могилы на местонахождении Хоторук III, вблизи пос.Еланцы. Раскопки не дали никаких находок (устное сообщение И.В.Асеева). Результаты проведенных исследований не опубликованы до сих пор.

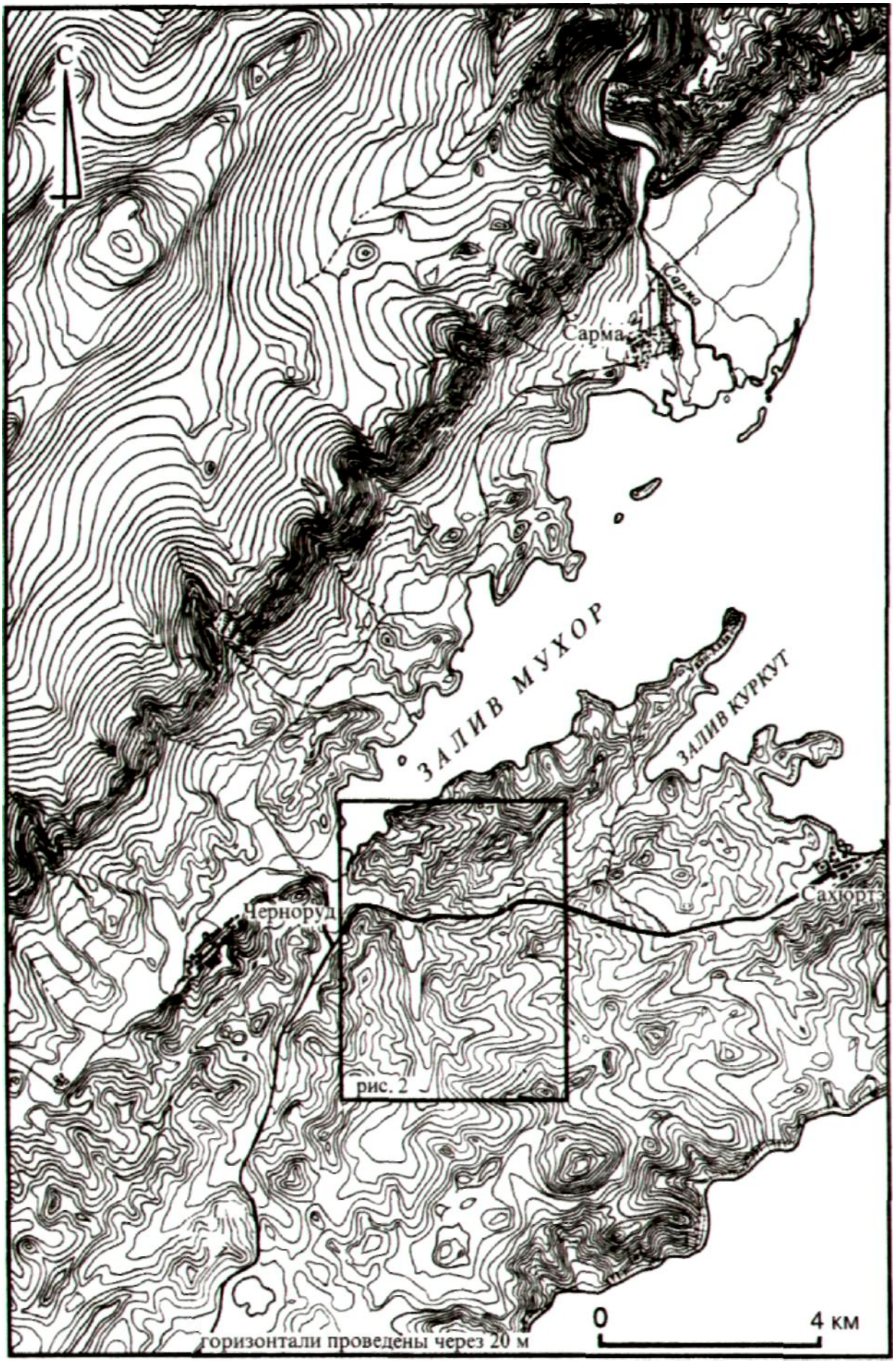
В этом же году Ольхонским отрядом КАЭ ИГУ (В.В.Свинин) вскрыты две плиточные могилы на памятнике Будун V. Могилы оказались ограбленными. сопровождающий материал отсутствовал (Горюнова, Свинин, 1996:107). Данные о конструкции раскопанных плиточных могил в научный оборот не введены.

Со второй половины 70-х годов исследованию плиточных могил придается несколько иной поворот. Раньше основной целью раскопок плиточных могил являлось получение нового фактического материала. его интерпретация и помещение в рамки определенных этнокультурных и хронологических построений. Однако разрушенность абсолютного большинства плиточных могил, являющаяся следствием разграбленности. доходящей до отсутствия каких бы то ни было находок, сформировала в археологической среде мнение о малоперспективности специального исследования данного вида археологических объектов (Зайцев, 1977; Коновалов, Свинин, Зайцев, 1983).

В 1980 г. были проведены раскопки второй плиточной могилы на местонахождении Хужир II (В.И.Смотрова) и трех погребений объекта Хужир IV. При раскопках комплекса Хужир Н-2 среди находок отмечены золотая пластинка, три бронзовых крестообразных бляшки и фрагменты гладкостенного керамического сосуда, орнаментированного двумя рядами негативных прямоугольных вдавлений в привенчиковой зоне (Смотрова, 1980). Материалы раскопок двух плиточных и одной могилы под плоской кладкой на местонахождении Хужир IV опубликованы сравнительно поздно (Бердникова. Яковлева, Горюнова. 1989; Харинский. Зайцев, Свинин, 1995). В одной плиточной могиле материала не обнаружено, в другой зафиксированы бронзовые полушарная и крестовидная бляшки, железная пластинка и фрагмент керамики с оттисками шнура на внешней стороне. Под плоской кладкой кольцевой формы, размером 4,6 х 3.2 м, ориентированной длинной осью по линии СЗ-ЮВ. отмечены остатки потревоженного в древности захоронения в могильной яме. Умерший был помещен в положении вытянуто, на спине, верхней частью корпуса направлен на юго-восток. Среди находок встречены фрагменты костяных трехдырчатых псалиев и две полушарные пуговицы с бортиком по внешнему краю, покрытым вертикальными насечками. Между собой пуговицы соединялись кусочком кожи. В юго-восточной части кладки отмечено выдолбленное в коренных породах углубление, в которое были помещены черепа лошади, козленка, барана и по одному их копыту (Харинский, Зайцев. Свшшн, 1995).

В 1984 г. у залива КуркутВ.В.Свининым и И.И.Юшен-ко была исследована плиточная могила. Захоронение подверглось разрушению еще в древности и находки представлены, в основном, фрагментами керамики. покрытыми с внешней стороны оттисками шнура и украшенными рассеченными налепными валиками, ногтевыми и пальцевыми вдавлениями. С внешней стороны оградки плиточной могилы, в юго-западной части надмогильной конструкции, под камнями крепиды, обнаружен бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы. Кроме того, в разных частях сооружения встречено большое количество костей животных. Из домашних видов определены кости конечностей и краниальной части скелета барана. лошади и быка: среди других видов фауны определены нерпа (череп и плечевая кость), косуля (передние конечности) и пять окуней, период вылова которых установлен июнь-август (четыре особи) и август-сентябрь (Харинский, Зайцев, Свинин. 1995).

С 1985 по 1993 гг. О.И.Горюновой раскопаны четыре плиточные могилы местонахождениях Шара-Тагот. Хонхой 1 и Сарма X. В научный оборот частично введены результаты раскопок лишь последнего памятника (Горюнова, 1995). В плиточной могиле найдены многочисленные фрагменты керамики с оттисками ипгура, украшенные налепным валиком с "'личиночными'* насечками; скол кварцита и кости животных, в том числе череп барана внутри оградки. В итоге исследований, основываясь на аналогиях найденному сосуду, имеющиеся в аратифицированных комплексах многослойных поселений Приольхонья. подтверждена дата более раннего появления носителей культуры плиточных могил на территории Предбайкалья - VII в. до н.э. (Горюнова, 1995: 194). Об остальных трех плиточных могилах имеется ограниченная, справочная по характеру, информация в сводах известных археологических объектов Ольхонского района (Горюнова. Свинин. 1995; Горюнова, Свинин. 1996), причем упоминается


С
Сарма
Сарма
ЗАЛИВ МУХОР
ЗАЛИВ КУРКУТ
Черноруд
Сахюртэ
рис. 2
0
4 км
горизонтали проведены через 20 м

довольно интересная находка из плиточной могилы Хонхой I-1 - железный нож.

Б.Б.Дашибаловым на мысе Будун (северо-западная оконечность о.Ольхон) в 1986 г. исследованы четыре отдельные могилы, отнесенных к периоду поздней бронзы - раннего железа. Полученные материалы раскопок трех плиточных и одного сопутствующего им захоронений частично введены в научный оборот в опубликованной спустя несколько лет статье (Дашибалов, 1995). Графически представлены в основном находки, описание особенностей строения надмогильных конструкций дано лаконично. Отмечается лишь помещение плит, составлявших оградку плиточной могилы № 55, в специально выдолбленный ровик. В интерпретационной части исследователь приходит к заключению, что время появления представителей культуры плиточных могил в Предбайкалье следуетудревнить до конца II - начала I тыс. до нашей эры. Расположение погребений 55 и 55 "А" в непосредственной близости, но различные особенности осуществленного погребального обряда и характерные находки (кремневый отшеп в могиле 55 "А") наводят Б.Б.Дашибалова на мысль о возможном слиянии двух традиций, пришлой и местной, уходящей своими корнями в эпоху неолита.

В 1993-1994 гг. археологическим отрядом под руководством А.В.Харинского проведены раскопки плиточных могил №№ 42,43 местонахождения Хужир-Нугэ III в Приольхонье (Харинский, Зайцев, 1995; Харинский. Зайцев, Свинин, 1995). Материалы раскопок захоронений полностью введены в научный оборот. Несмотря на незначительное количество находок (Хужир-Нугэ Ш-42 - фрагмент костяной иглы, по определению авторов; Хужир-Нугэ 111-43 - срединная боковая накладка на лук из кости), а может, благодаря этому, досконально проанализирована конструкция и внутримогильное устройство захоронений. На основании непосредственных наблюдений выделена хужир-нугойская группа плиточных могил. Морфологические особенности строения включенных в нее плиточных могил заключаются в использовании "больших горизонтально уложенных *плю* для крепления боковых стенок оградки" (Харинский, Зайцев, 1995: 197). По костям человека из комплексов получены радиоуглеродные даты: Хужир-Нугэ НМ2-230О±20 л н. (СОАН-3164), Хужир-Нугэ Ш-43 - 2360±90 л.н. (СОАН-3165), свидетельствующие не только о конструктивном, но и о хронологическом сходстве мо!ил.

Таким образом, на территории Предбайкалья к середине 90-х годов XX в. документально подтверждены раскопки 37 плиточных могил. В научный оборот введены в разной степени материалы 27 погребений, в том числе по 11 могилам опубликованы чертежи, позволяющие судить об их линейных размерах и особенностях конструкции надмогильных сооружений. Следовательно, одной из актуальных проблем при изучении плиточных могил Предбайкалья является публикация получаемых полевых материалов. В данной статье приводятся описания всех обнаруженных на настоящий момент в окрестностях пади Олзонтэй в Приольхонье плиточных могил, раскопанных в 1997-2000 гг. на четырех местонахождениях (рис. 1,2).

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Олзонтэй I

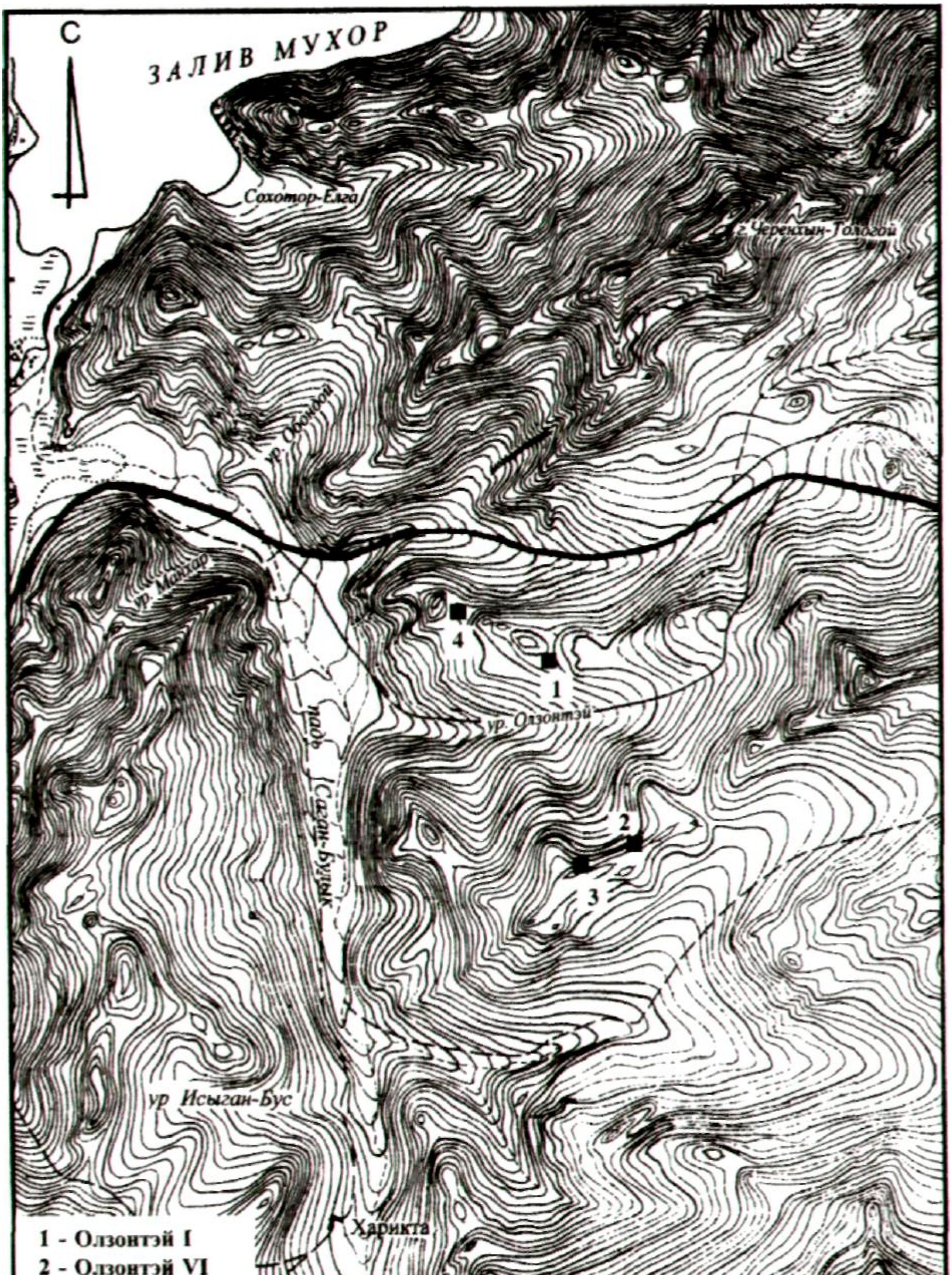
Археологический объект открыт в 1995 г. А.В.Харинским. Олзонтэй I располагается в 4.4 км к востоку от п.Черноруд. Памятник расположен на выположенной площадке среди скальных выходов, по северному борту пади Олзонтэй (рис.3). Обнаруженная одиночная кладка в виде прямоугольника из вертикально установленных каменных блоков-столбов длинной осью ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ (аз.200°). Кладка идентифицирована как плиточная могила, исходя из характерной черты конструкции -под прямоугольной формы оградка из вертикально установленных обломков коренных пород.

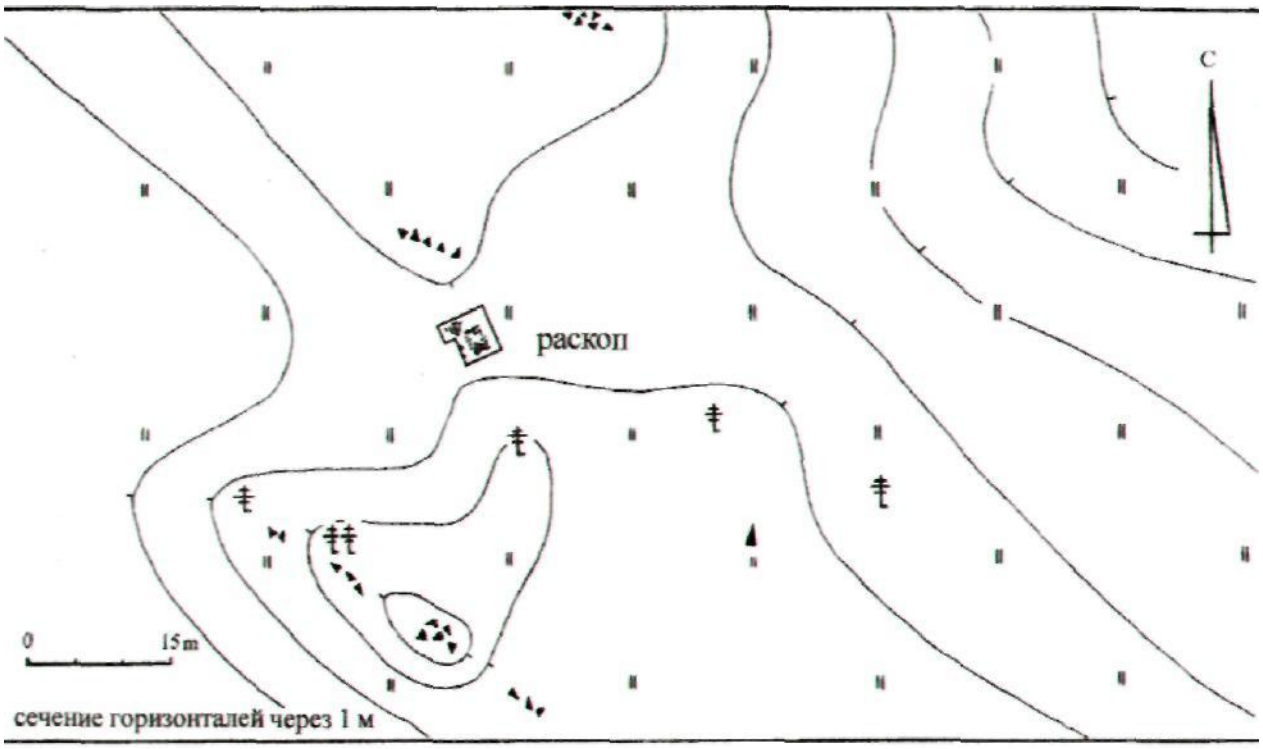
На месте расположения памятника Олзонтэй 1 в 1997 г. был разбит раскоп 4 х 5 м, направленный длинными стенками по линии северо-запад - юго-восток. При зачистке комплекса в западном углу раскопа обнаружена еще одна конструкция, явно искусственного происхождения, выходящая за пределы раскопа. Поэтому к юго-западной стенке раскопа, в северо-западной её части, была сделана прирезка, размером 2 х 1 м. Таким образом, общая площадь раскопа составила 22 м-. Далее в тексте основная кладка в центре раскопа будет именоваться комплексом № 1, а кладка, выявленная в западном углу раскопа, комплексом № *2* (рис. 4 -1).

Размеры кладки 2,8 х 2,3 м, внутреннего пространства оградки 2,4 х 1,6 м. Южная торцевая стенка оградки состоит из уложенного каменного блока, размером 0.25 х0,25х 1,1 м. К востоку от него располагались уложенные плашмя две плитки, размерами 0,1 х 0,25 х 0.35 и 0,05 х 0,15 х 0,3 м. Западную часть блока с внешней стороны оградки подпирал вертикально вкопанный блок. размером 0,1 х 0,15 х 0,45 м. Северную торцевую сгснку оградки образуют четыре шшты. Западная часть стенки составлена из двух плит, вкопанных вертикально, размерами 0,05 х 0,15 х 0,2 и 0,07 х 0,3 х 0,4 м. Восточная часть стенки сложена из двух лежащих друг на друге плит, размерами 0,03 х 0,15 х 0,25 и 0.05 х 0,25 х 0.4 м.

Боковые стенки оградки идентичны по своей конструкции и представляют собой один-два ряда вкопанных каменных блоков, причем установка в два ряда отмечена только в центральной части стенок. Западная стенка состоит из 16 плит и камней размерами от 0,05 х 0,1 х 0,15 до 0,15 х 0,35 х 0,5 м. Восточная стенка составлена из 14 плит и каменных блоков размерами от 0,1 х 0,15 х 0,35 до 0,2 х 0,3 х 0,8 м. Стенкообразующие элементы оградки вкопаны в специально вырытый ров, шириной до 0,45 м и глубиной до 0,4 м (рис. 4-2,3).

В юго-восточной части внутреннего пространства оградки обнаружена каменная однослойная вымостка из 8 плит размерами от 0,03 х 0,08 х 0,15 до 0,12 х 0,65 х


С
ЗАЛИВ МУХОР
Сохотор-Елга
г. Черектын-Тологой
ур. Обондой
ур. Маддар
4
1
ур. Олзонтэй
падь Саган-Бургас
2
3
ур. Исыган-Бус
Харикта
1 - Олзонтэй I
2 - Олзонтэй VI
3 - Олзонтэй VIII
4 - Олзонтэй XVI
■ - плиточные могильники
горизонтали проведены через 5 м
0
1 км



1,05 м. Под плитами возможного перекрытия никаких следов захоронения не найдено. Не обнаружено также нарушения стратиграфической целостности рыхлых отложений, кроме рва-траншеи по периметру оградки.

К югу от юго-западного угла оградки, с внешней стороны, на глубине 30 см от современной поверхности земли обнаружены бронзовое петельчатое зеркало (рис. 4 - 5), пастовая бусина и фрагмент бронзового предмета. Пастовая бусина имеет длину 2 мм, диаметр 4,15 мм. В центре бусины имеется отверстие диаметром 1,1 мм. Фрагмент бронзового предмета выглядит следующим образом: на неровной пластинке, с максимальными размерами 10 х 6,5 мм, приплавлен один конец обломанной петельки. Толщина пластины составляет 1,5 мм.

В траншее западной стенки оградки, на глубинах 20 и 30 см от современной поверхности земли обнаружено несколько нижних зубов лошади. Восточнее одного из скоплений зубов, среди плит оградки, зафиксировано зольное пятно размерами 15 х 15 см и мощностью до 2 см.

Комплекс № 2 представляет собой искусственное сооружение в виде прямоугольной оградки, образованной пятью поставленными на ребро плитами, размером от 1,0 х 0,35 х 0,11 до 0,2 х 0,25 х 0,08 м (рис. 4 -1). Размеры внутреннего пространства оградки -1,25 х 1,1м. Комплекс ориентирован длинной осью по линии ССЗ-ЮВВ (аз. 200°). В центре огороженного пространства зафиксированы две плиты, расположенные горизонтально. Большая из них, размером 1,08 х 0,34 х 0,08 м, занимает меридиональное положение. Ниже плит, на контакте темно-серой и желтой супеси (рис.4 - 4), отмечена еще одна горизонтально уложенная плита с линейными параметрами 0,78 х 0,62 х 0,1 м.

Искусственных нарушений целостности рыхлых отложений не зафиксировано, как и каких-либо находок.

Олзонтэй VI

Памятник открыт в 1997 г. А.В.Харинским. Н.М.Багдуевым и Г.В.Туркиным. Проведена его топосъемка, описание и фотофиксация. Могильник Олзонтэй VI расположен в 4,5 км к ЮВВ от п.Черноруд, на юго-восточном склоне горной гряды, лежащей к юго-востоку от урочища Олзонтэй (рис. 2). Памятник состой! из семи комплексов, выраженных на поверхности земли каменными кладками. По особенностям конструкции четыре из них - №№ 1, 2, 4 и 5. можно сопоставить с плиточными могилами. Надмогильные кладки этих захоронений представлены четырехугольными сооружениями, напоминающими оградку из вертикально установленных каменных плит. Длинной осью оградки ориентированы по линии СЗ-ЮВ. Плиточные могилы располагаются в ряд (рис. 5). Кладка № 2 находится в 45 м к юго-западу от кладки № 1, кладка № 4 - в 56 м к юго-западу от кладки № 2, кладка № 5 - в 31 м от кладки № 4. Грядой скальных выходов, ориентировашюй по линии ЮЗ-СВ, памятник разделен на две части. К северо-западу от гряды располагаются кладки №№ 1-5, к юго-востоку от гряды локализуются кладки №№ 6 и 7. Две последних, наряд}' с кладкой № 3, имеют плоскую овальную конструкцию, ориен-

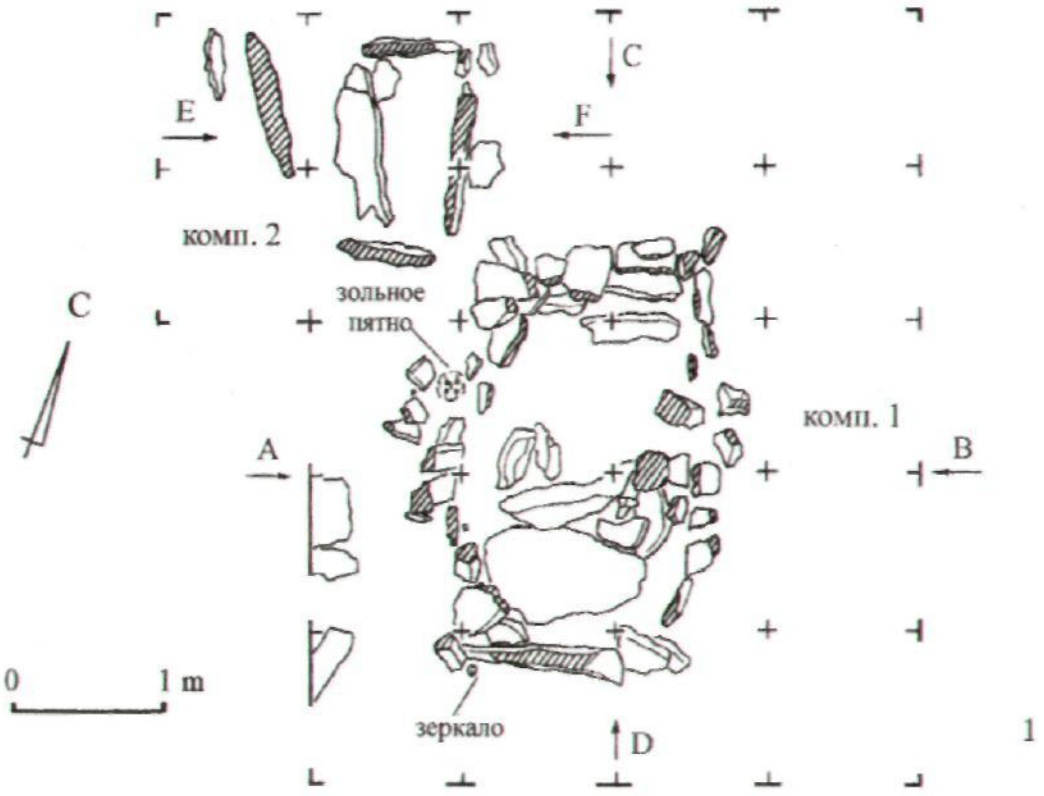


Рис. 4. Олзонтэй I, комплексы 1 и 2

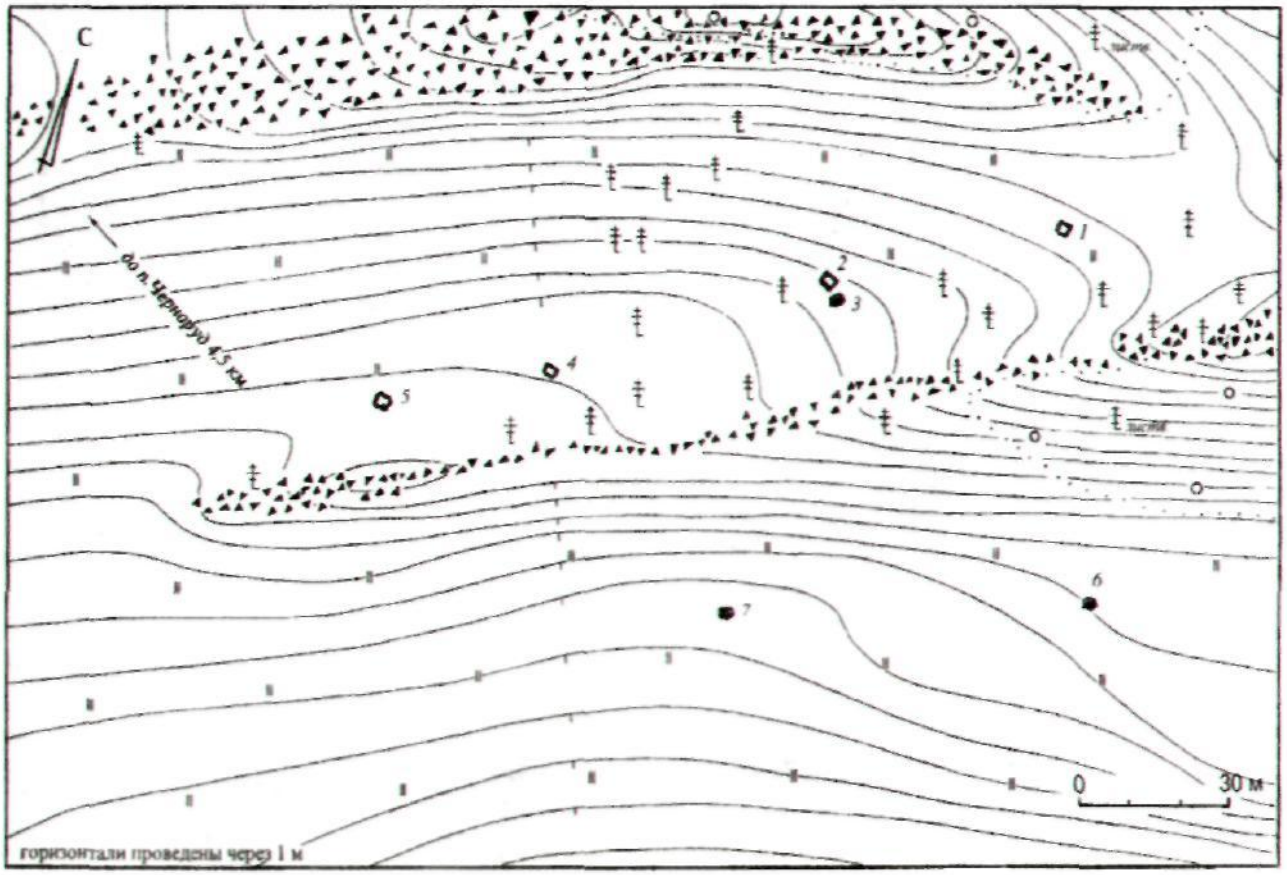


Рис. 5. Олзонтэй VI

тированную по линии ЮЗ-СВ. Размеры этих кладок составляют 1,3-1,6х 13-2,2 м.Кладка№3 находится в 1 м к юго-востоку от кладки № 2. Кладка№ 6 локализуется в 75 м к востоку от кладки№3. Кладка№4 лежит в 71м к юго-западу от кладки № 1. На протяжении полевых сезонов 1999-2000 гг. пять комплексов (плиточные могилы и примыкающая к одной из них плоская кладка) были полностью раскопаны.

Комплекс № 1. На месте расположения комплекса был заложен раскоп 6 х 4 м, длинными стенками раскоп ориентирован аналогично оградке плиточной могилы (рис. 6-1). Размеры развала надмогильной конструкции, исследованной в 1999 г., составляют4,0 х2,6 м, оградки 2,5 х 1,7 м. Длинной осью кладка плиточной могилы ориентирована по линии с азимутом 11 *(У*[1] (СЗЗ-ЮВВ).

Северо-западная торцевая стенка оградки состоит из двух вертикально установленных плит, причем расположены они были относительно друг друга внахлест. Их размеры 0,14 х 0,44 х 0,07 и 0.57 х 0,24 х 0,08 м. Юго-восточная торцевая стенка сконструирована из двух плит, установленных аналогичным, как и в случае с северо-западной стенкой, образом. Их размеры 2,04 х 0,64 х 0,1 и 0,4 х 0,27 х 0.06 м. На месте расположения юго-западной стенки оградки отмечено девять вертикально стоящих плит размерами от 0,38 х 0,1 х 0,03 до 0,64 х 0,27 х 0,03 м. В средней части стенки плиты отсутствуют, возможно, они были откинуты за пределы оградки - к югу от стенки зафиксированы в разрозненном положении плиты и их фрагменты, их размеры варьируют от 0,21 х 0,14 х 0,03 до 0.72 х 0,33 х 0,09 м. Северо-восточная боковая стенка оградки представлена наиболее полно. Она практически не подвергалась антропогенному воздействию и ее состояние можно связать со склоновым и процессами. Центральная часть стенки несколько пропгулась внутрь оградки так, что в плане плиты, составляющие стенку, выстроены дутой, с небольшим наклоном к центру конструкции. Общее количество плит северо-восточной стенки оградки в момент проведения раскопок не превышало двадцати, однако, при сооружении надмогильной конструкции их было меньше, т.к. с течением времени часть гнейсовых плит расслоилась и раскололась. Плиты имеют размеры от 0,19 х 0,17 х 0,02 до 0,97 х 0,41 хО, 14 м.

Из особенностей конструкции стенок оградки можно отметить то, что боковые стенки не талью плотно прилегали к торцевым стенкам, но и имели продолжение за ними. При этом плиты боковых стенок по углам оградки были расположены наклонно по отношению к торцевым стенкам, используя плиты последних в качестве крепиды. Кроме того, по углам оградки, в составе боковых стенок, устанавливалось по одной большой плите, вследствие чего надмогильная конструкция имела вид хорошо известного по

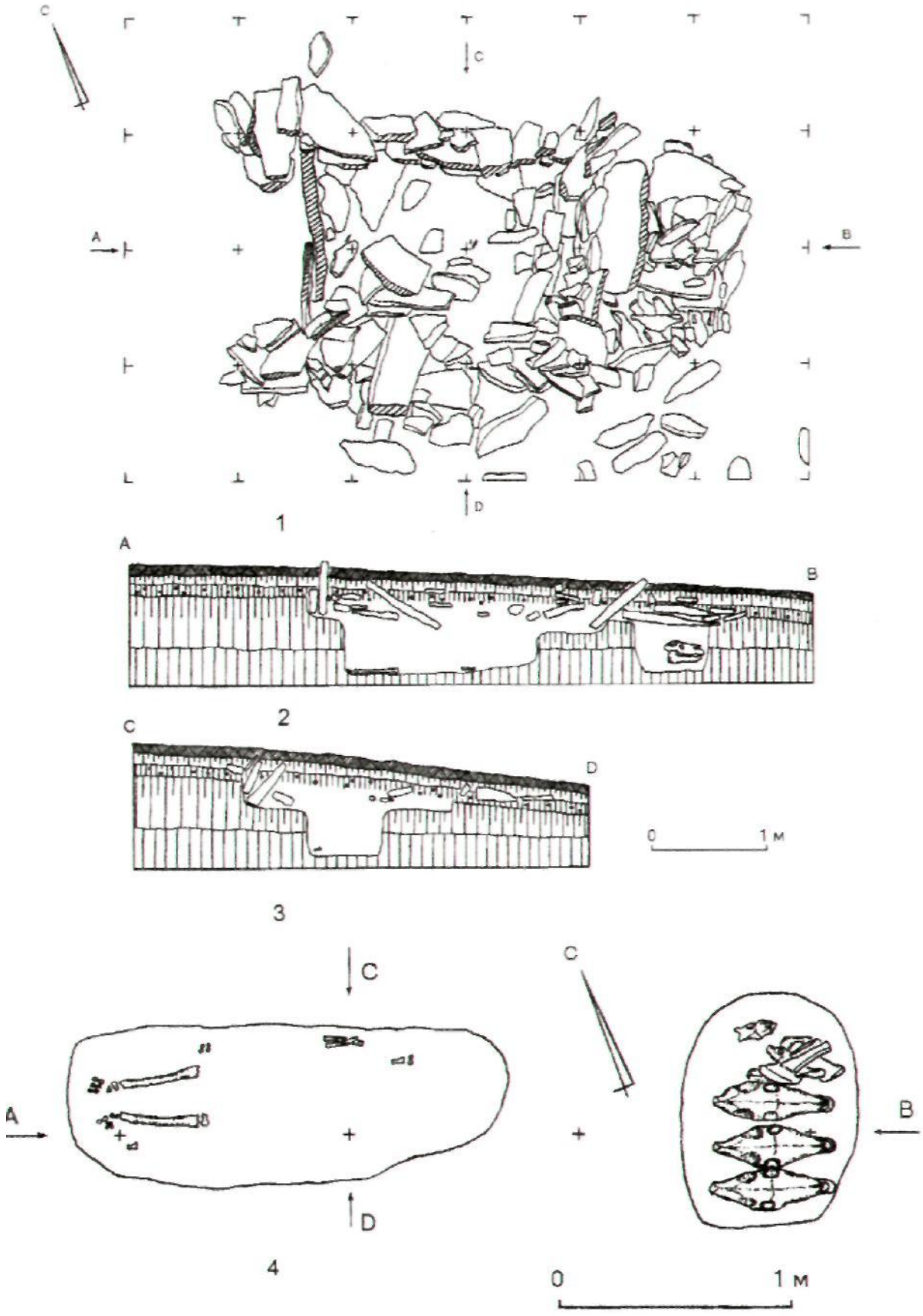


Рис. 6. Олзонтэй VI, комплекс 1

письменным источникам "маяка". Вся надмогильная часть погребального сооружения была устроена на дне специально выбранного в рыхлых отложениях котлована, размеры которого составили по стратиграфическим наблюдениям 3,8 х 1,84 м. Дно котлована выравнивалось в горизонтальной плоскости с учетом существующей экспозиции склона. Поэтому глубина котлована различна, например, в северо-западном углу она достигает 0,26-0,29 м, а в юго-восточном весьма незначительна - 0,08-0,1 м (рис. 6-2.
3).

По мере расчистки надмогильной кладки зафиксировано отдельное скопление плит размерами отО, 16х0,09х0,05 до 1,0 х0,42 х0,05 м, которое вплотную примыкало к юго-восточной торцевой стенке оградки. Плиты образовывали довольно компактную выкладку, прямоугольной формы и размером 1,04 х 1,38 м. Вымостка состояла из двойного слоя плотно уложенных друг к другу плит и была ориентирована длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ, т.е. параллельно торцевым стенкам оградкам. Непосредственно под нижними плитами выкладки зафиксирована небольшая яма размером 0,98 х 0,76 м и глубиной 0,4 м. В верхней части ямы отмечено несколько плит, располагавшихся вне всякого порядка. На дне ямы обнаружено несколько черепов домашних животных без видимых признаков механических повреждений. Все черепа были аккуратно уложены на нижние челюсти и лицевыми костями направлены на восток. Их расположение в яме выглядит следующим образом: в южной периферии углубления последовательно зафиксированы три лошадиных черепа в сочленении с первым позвонком. к северу от них треугольником установлены черепа баранов (рис. 6 - 4). Справа от всех черепов животных отмечено по одному их копыту. Артефактов в яме-углублении не обнаружено.

Плиты перекрытия в непотревоженном состоянии зафиксированы в периферийных частях оградки у северо-западной торцевой стенки и у северо-восточного угла. Их позиция относительно плит стенок оградки позволяет сделать вывод об их у потреблении в виде дополнительного крепежного элемента. Размеры сохранившихся плит перекрытия от 0.36 х 0,2 х 0,05 до 0,8 х 0,5 х 0,17 м. Уцелевшее перекрытие демонстрирует, что оно было сложено из двойного слоя плит. В восточной части оградки отмечена плита скорее всего являвшаяся плитой перекрытия и в момент проведения раскопок находившаяся в вывороченном положении. Ее размеры - 0.75 х 0,63 х 0,07 м.

В центре оградки, с незначительным смешением к северо-западной торцевой стенке оградки, выявлена могильная яма. Яма была заложена с уровня дна котлована. В вертикальной проекции ее форма немодифицируема. Длинной осью могильная яма сонаправлена боковым стенкам оградки. Размеры ямы 1,91 х 0,68 м. Глубина могильной ямы различна, она связана с экспозицией склона и тем, что дно ямы выравнивалось. В северо-западной части глубина могильной ямы достигает 0,46 м, в юго-восточной - 0,27 м. В своем заполнении могильная яма содержала остатки потревоженного захоронения. В анатомическом порядке на дне ямы зафиксированы берцовые кости ног, локтевая и лучевая кости правой руки (рис. 6 - 4). Помимо этого, на различной глубине отмечено несколько фрагментов ребер и фаланг. Анализ антропологических остатков показал, что погребенный - мужчина. Количество и качество антропологического материала не позволило установить возраст умершего, однако размер костей указывает на биологически взрослого мужчину. Сопровождающего инвентаря не обнаружено.

Комплекс № 2. В 2000 г. на месте нахождения комазекса заложен раскоп размером 7 х 6 м. Длинными стенками раскоп ориентирован по линии с азимутом 97°(СЗ-ЮВ). Расчистка искусственной надмогильной конструкции показала, что камни и плиты, ее составляющие, распределены на площади 7 х 6 м. Вертикальные плиты, образующие оградку, сохранили большей частью свое первоначальное местона-хождение, что позволило определить размеры внутреннего пространства оградки четырехугольной формы - 2,8 х 1JZ м. Кладка ориентирована длинной осью по линии северо-запад- юго-восток (рис. 7 - 4).

Северо-западная торцевая стенка оградки состоит из трех вертикально стоящих плит; самая крупная из них является формообразующим элементом, две другие служат крепидой по отношению к основной плите с внутренней стороны оградки. Размеры основной плиты -1,4 х 0,56 х 0,14 м, вспомогательных -0,67 х 035 х 0,05 и 03 х *03* х 0,7 м. Юго-восточная торцевая стенка оградки сохранилась гораздо хуже - она, по всей видимости, представлена одной вертикально установленной на южном крае стенки плитой размером 0,58 х 0,38 х 0,06 м. Юго-западная боковая сгенка оградки сохранилась достаточно хорошо. Она сконструирована из 17 вертикально стоящих плит, установленных в два ряда. Размеры плит варьируют от 0,5 х 0,4 х 0,05 до 0,33 х 0,14 х 0,03. С внешней стороны стенки зафиксированы в горизонтальном положении около двадцати плит, одной гранью плотно прилегающих к плитам стенки. Вероятно, они были уложены специально для удержания плит стенки вертикально, т.к. разница высот на южной периферии кладки не позволила выкопать для оградки котлован. Строители, вероятно, в данном случае применили эффективный прием для закрепления формообразующих плит юго-западной стенки оградки в вертикальном состоянии. Стенка имеет продолжение после стыка с северо-западной торцевой стенкой в виде отходящего от основной конструкции ряда из наклонно (под углом друг к дру I у) установленных плит, протяженностью до 1,6 м. Высота ряда постепенно уменьшается.

От северо-восточной стенки сохранился северный угол оградки и восточная часть стенки. Северная периферия стенки представлена четырьмя сохранившими вертикальное положение плитами оградки и выступом из установленных вертикально плит, являющимся продолжением оградки за стыком с

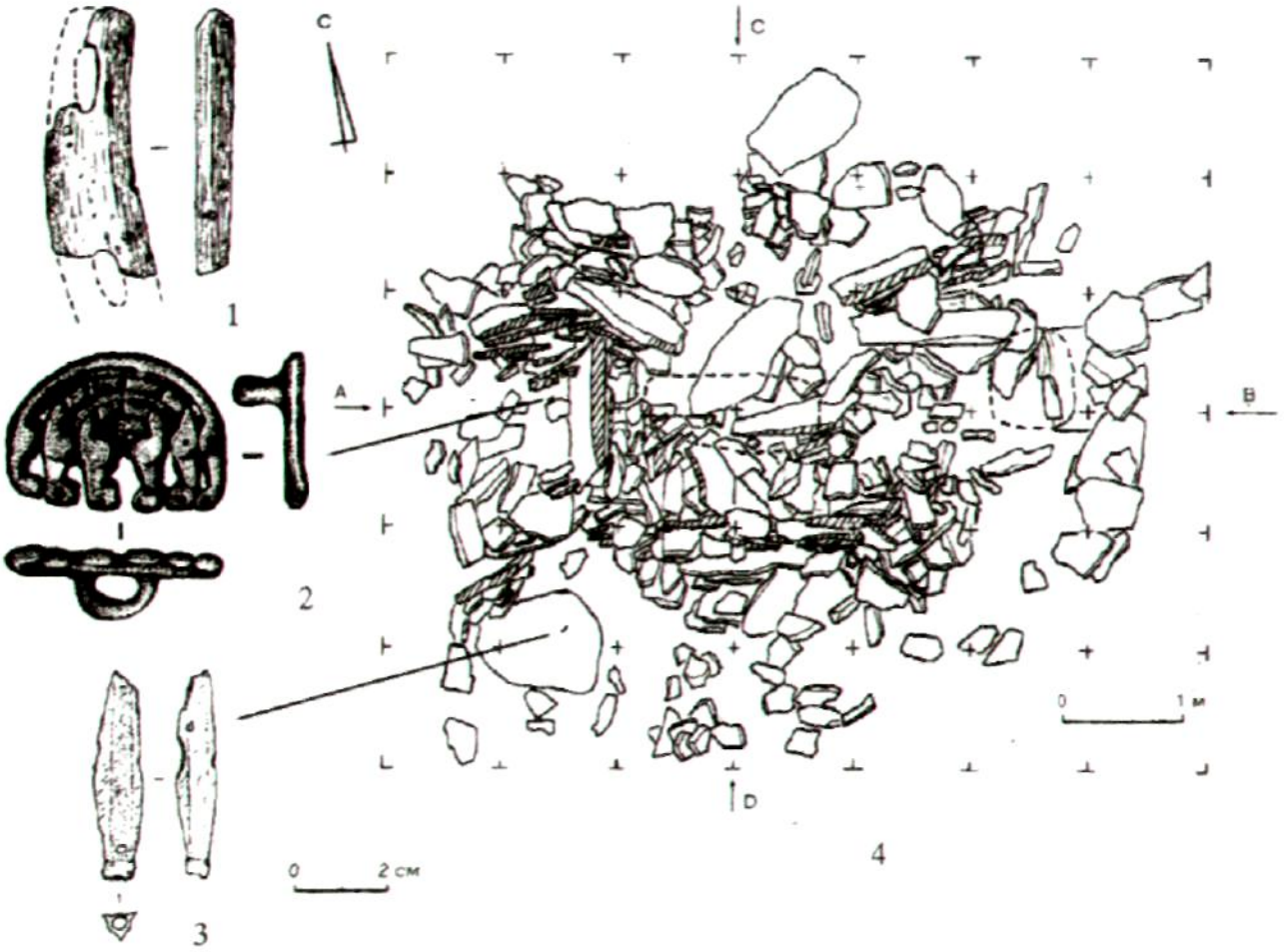


Рис. 7. Олзонтэй VI. комплекс 2

торцевой стенкой. Четыре плиты, линейные размеры которых составили от0,5 х 0,4 х 0,05 до 0,33 х 0,18 х 0.06 м, расположены в четыре ряда. С внешней стороны оградки на них зафиксирована массивная плита, размером 1,25 х 0,65 х 0,1 м. Исходя из ее размеров. местоположения и направления склоновой деструкции, можно с уверенностью предположить, что она по замыслу строителей была размешена в северном углу оградки, причем с внешней стороны, и значительно возвышалась над всей оградкой. Для удержания ее в вертикальном положении была использована крепида в виде плит и камней различного размера, следы которой отмечены к северо-востоку от плиты. Сохранившаяся восточная периферия стенки состоит из трех плит оградки, размером от 0,85 х 0,67 х 0,18 до 0,5 х 0,38 х 0,12 м, и аналогичным ранее описанным продолжениям боковых стенок оградки.

Отдельно следует отметить, что конструктивная особенность сооружения надмогильной кладки плиточной могилы состоит не только в применении горизонтально уложенных плит, но и в установке по углам оградки массивных плит, значительно возвышающихся над плитами всей оградки. Кроме того, плиты боковых стенок оградки устанавливались внахлест для взаимоустойчивости.

Надмогильное перекрытие было отмечено в достоверно непотревоженном состоянии преимущественно в западной части оградки, в центре и восточной части они не зафиксированы. Беспорядочный навал из плит и камней, вероятно, первоначально составлявших надмогильное перекрытие, отмечен в восточном секторе внутреннего пространства оградки. Их размеры варьируют от 1,34 х 0,54 х 0,1 до 03 х 0,3 х 0,04 м. Над западной оконеч ностью основной могильной ямы обнаружена самая крупная плита перекрытия, размером 1,15 х 0,83 х 0,2 м. Она располагалась поперек оградки по длине, от северо-западной торцевой стенки направлена к центру конструкции по ширине. Две плиты расчищены \ южной периферии ямы, они уложены вплотную друг к другу на глубине 42-45 см от современной поверхности земли. Их размеры - 0,3 х 0,3 х 0.06 и 0,2 х ОД х 0,03 м. Еще три плиты перекрытия основного погребения зафиксированы под верхним костяком в северной части. причем большая из них залегала ниже. Ее размеры -0,43 х 0.4 х 0,04 м. Размеры двух других - 0,2 х 0,16 х 0,04 и 0,24 х 0,2 х 0,05 м. По всей остальной площади внутреннего пространства оградки отмечены скопления плит разного размера, располагавшихся беспорядочно и, вероятно, составлявших надмогильное перекрытие. В центре оградки под плитами перекрытия обнаружены останки погребенных людей (рис. 8 -1,2,

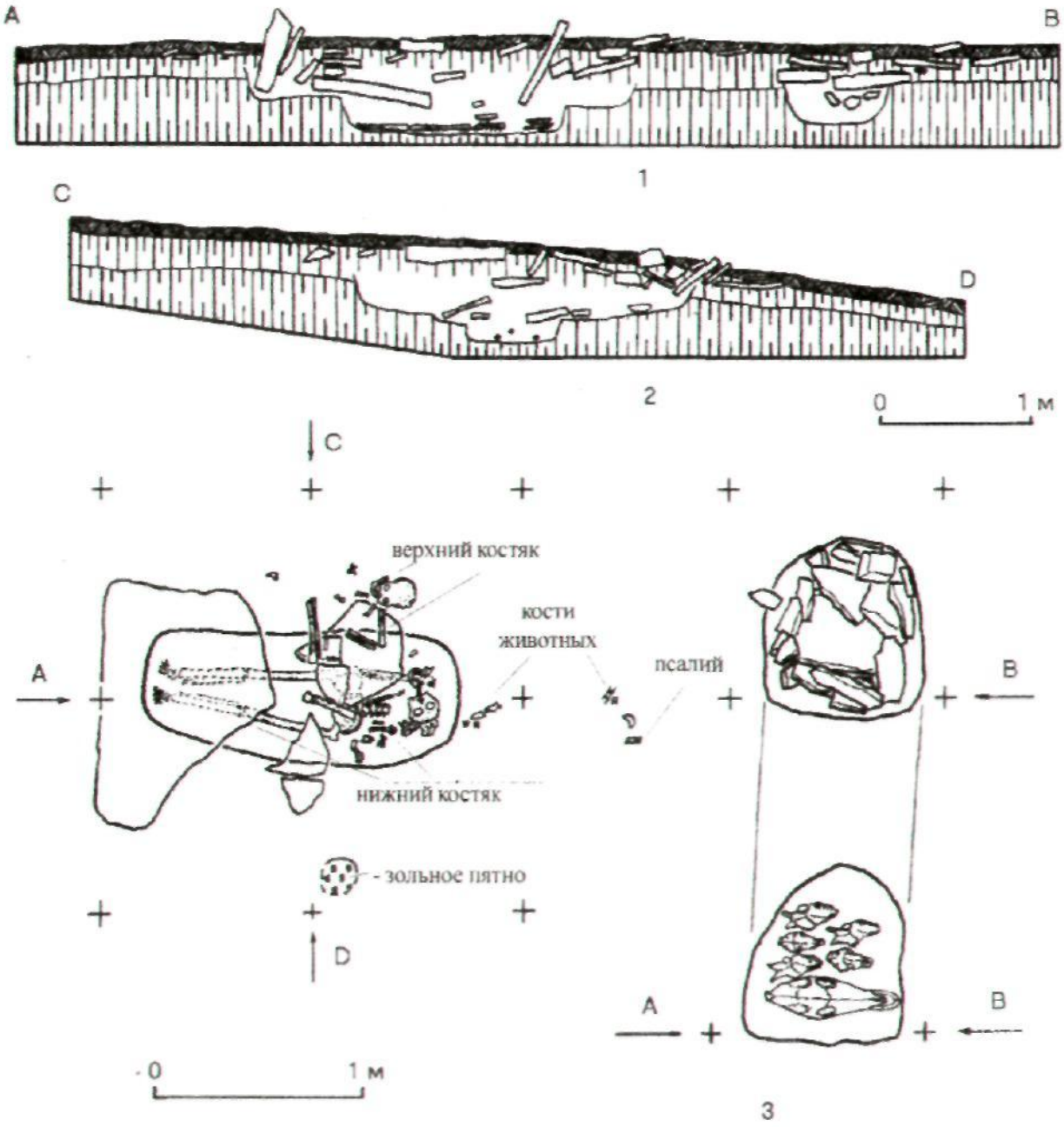


Рис. 8. Олзонтэй VI, комплекс 2

3). Судя по наличию второго костяка, который находился уровнем выше первого, плиточную могилу можно охарактеризовать как двойное захоронение, нижнее является основным, а верхнее впускным. Ни один из человеческих скелетов не сохранился в полностью анатомическом порядке, но нижний костяк представлен наиболее полно.

Контуры могильной ямы удалось установить приблизительно на уровне залегания нижнего костяка вследствие того, что при ограблении площадь внутри оградки перекапывалась. Наиболее четко яма прослеживалась в юго-восточной части. Яма, содержавшая останки нижнего захороненного, -прямоугольной в плане формы с несколько закругленными углами. Она постепенно расширяется в своей восточной части. Ориентирована яма аналогично надмогильной конструкции. Максимальные размеры могильной ямы 1,5 х 0,63 м, при глубине не менее 0,2 м. Форму могильной ямы для верхнего костяка установить не представилось возможным. Длина ямы составляла около 1,5 м, ширина до 0,65 м, глубина до 0,25 м.

Верхний костяк (№ 1) представлен черепом в сочленении с нижней челюстью; длинными костями левой руки и берцовыми костями левой ноги, находившимися в анатомическом порядке; а также несколькими фрагментами ребер, фаланг и костей стопы. Череп зафиксирован на глубине 33 см от современной дневной поверхности, он был расположен прямо, лицевыми костями направлен на СЗ (аз. 294°). От левой ветки нижней челюсти перпендикулярно развороту лицевой части черепа отходит левая плечевая

кость (глубина 38-40 см от поверхности почвы), под углом в 60° к ней отмечены локтевые кости. Западнее, по линии разреза C-D, зафиксированы берцовые кости: дистальные эпифизы на глубине 36 см, проксимальные - 50 см от современной поверхности. Дистальными эпифизами кости направлены на ЮЮЗ (аз. 97").

Основное захоронение (костяк № 2) зафиксировано в гораздо меньшей степени потревоженности, чем впускное. Нижний костяк представлен практически полным анатомическим скелетом - отсутствовали .тишь левые плечевая и малая локтевая кости. Левая ключица. левая бедренная кость, верхние позвонки поясничного отдела и позвонки грудного отдела позвоночного столба, а также череп с нижней челюстью были смещены. Трупопомещение погребенного следующее: он был уложен в вытянутом положении, на спине. головой направлен на юго-восток (аз. 97°).

Осмотр антропологических останков позволил установить, что костяк № 1 (верхний) принадлежит женщине преклонного возраста. Костяк № 2, по результатам визуального обследования, идентифицирован как принадлежащий мужчине возмужалого возраста. При этом, в процессе осмотра, у нижнего погребенного выявлена прижизненная травма -сросшийся неправильно перелом обеих берцовых костей левой ноги в районе проксимальных эпифизов.

Непосредственно при костяках сопроводительного инвентаря не зафиксировано.

К западу от западной торцевой стенки оградки, в бровке разреза, найдена бронзовая бляшка в виде шести голов травоядных животных, симметрично обращенных в одну сторону (рис. 7 - 2). К юго-западу от оградки, под плитой значительных размеров обнаружен деформированный бронзовый втульчатый наконечник стрелы (рис. 7 - 3). В восточной части оградки, на уровне залегания плит перекрытия, зафиксирован фрагмент костяного псалия (рис. 7 -1). Остеологический материал представлен отдельными костями конского и бараньего скелетов: около восточного угла оградки найдена нижняя челюсть барана: возле псалия обнаружены зуб. копыто и бабка лошади; у восточного края могильной ямы основного захоронения отмечено два бараньих зуба и несколько неопределимых костей.

В восточной части кладки, с внешней стороны оградки, расчищена плоская каменная выкладка размером 0,75 х 0,88 м. Она состояла из нескольких плит уложенных в два слоя, размером от 0,68 х 0,42 х 0,1 до 0,36 х 0,13 х 0,1 м. Ниже них выявлена яма, содержавшая в своем заполнении плиты и черепа домашних животных. Плиты зафиксированы в верхней части и функционально их можно охарактеризовать как перекрытие. Некоторые из них установлены вертикально вдоль южной, западной и северной стенок ямы. Размеры плит варьируют от 0,34 х 0.2 х 0,07 до 0,17 х 0,08 х 0,03 м. Под ними, на глубине 70 см от современной поверхности земли, были обнаружены один лошадиный и пять бараньих черепов. Они были аккуратно установлены на дно ямы, причем лошадиный череп располагался вдоль южной стенки ямы. Лицевыми частями черепа направлены на восток. Кроме первого шейного позвонка, при черепах не обнаружено предметов и копыт, как в комплексе Олзонтэй VI-1. Сама яма округлой формы, с некоторым сужением по мере увеличения глубины, имела размеры 0,7 х 0,8 м, при глубине до 0,3 м.

Комплекс № 3. В трех метрах к северо-востоку от погребения Олзонтэй VI-2 была обнаружена каменная выкладка. В 2000 г. на месте нахождения комплекса заложен раскоп размером 4 х 4 м. Одной из своих сторон раскоп примыкал к раскопу, разбитому над комплексом Олзонтэй VI-2.

Расчистка искусственной конструкции показала. что камни и плиты, ее составляющие, распределены на площади 2,9 х 2,3 м. не образуя геометрической конфигурации в целом (рис. 9 -1). Кладка ориентирована длинной осью по линии север-юг и сложена в два слоя из плит. Системного расположения плит и камней, зафиксированных в нижней части дерна и верхней части подстилающей его темно-серой супеси, не зафиксировано. Под кладкой не было отмечено ни следов горения, ни стратиграфического нарушения почвы, ни каких-либо находок (рис. 9-2,3).

Комплекс № 4. Конструкция плиточной могилы находится в 60 м к ЮЗЗ от комплекса № 3. В 2000 г. на месте нахождения комплекса заложен раскоп размером 6 х 4,5 м. /Длинными стенками раскоп ориентирован по линии с азимутом 117° (СЗ-ЮВ). Расчистка искусственной надмогильной конструкции обнажила сооружение, первоначально представлявшее собой плиточную могилу. Вертикальные плиты, образующие оградку, сохранили большей частью свое первоначальное местонахождение, хотя часть их поменяла угол наклона на более низкий - в частности. плиты торцевых стенок. Несмотря на это. оказалось возможным определить размеры внутреннего пространства оградки четырехугольной формы - 3,1 х 1,5 м. Кладка ориентирована длинной осью по линии северо-запад -юго-восток(рис. 10-1).

Западная торцевая стенка состоит из одной первоначально установленной в вертикальное положение плиты. Не линейные параметры - 1,38 х 0,6 х 0,07 м. Восточная торцевая стенка составлена из двух плит, установленных так, что северная из них налегает внахлест на часть южной. Их размеры, соответственно. 0,% х 0,52 х 0,11 и 0,68 х 0.65 х 0,14 м. Из боковых стенок оградки южная стенка представлена наиболее полно. Она сконструирована из девяти вертикально стоящих плит, установленных в два ряда. Практически все плиты зафиксированы находящимися под прямым углом к плоскости поверхности. Размеры плит варьируют от 0,82 х 0,72 х 0,15 до 0,74 х 0,28 х 0,07 ы. От северной стенки оградки в вертикальном состоянии зафиксирована одна плита. Она расположена ближе к западной стенке оградки, ее размеры - 0,67 х 0,37 х 0,10 м.

Надмогильное перекрытие в пределах оградки сохранилось неоднородно и представлено следующим образом: в западной половине оградки обнаружены сохранившиеся непотревоженными несколько плит

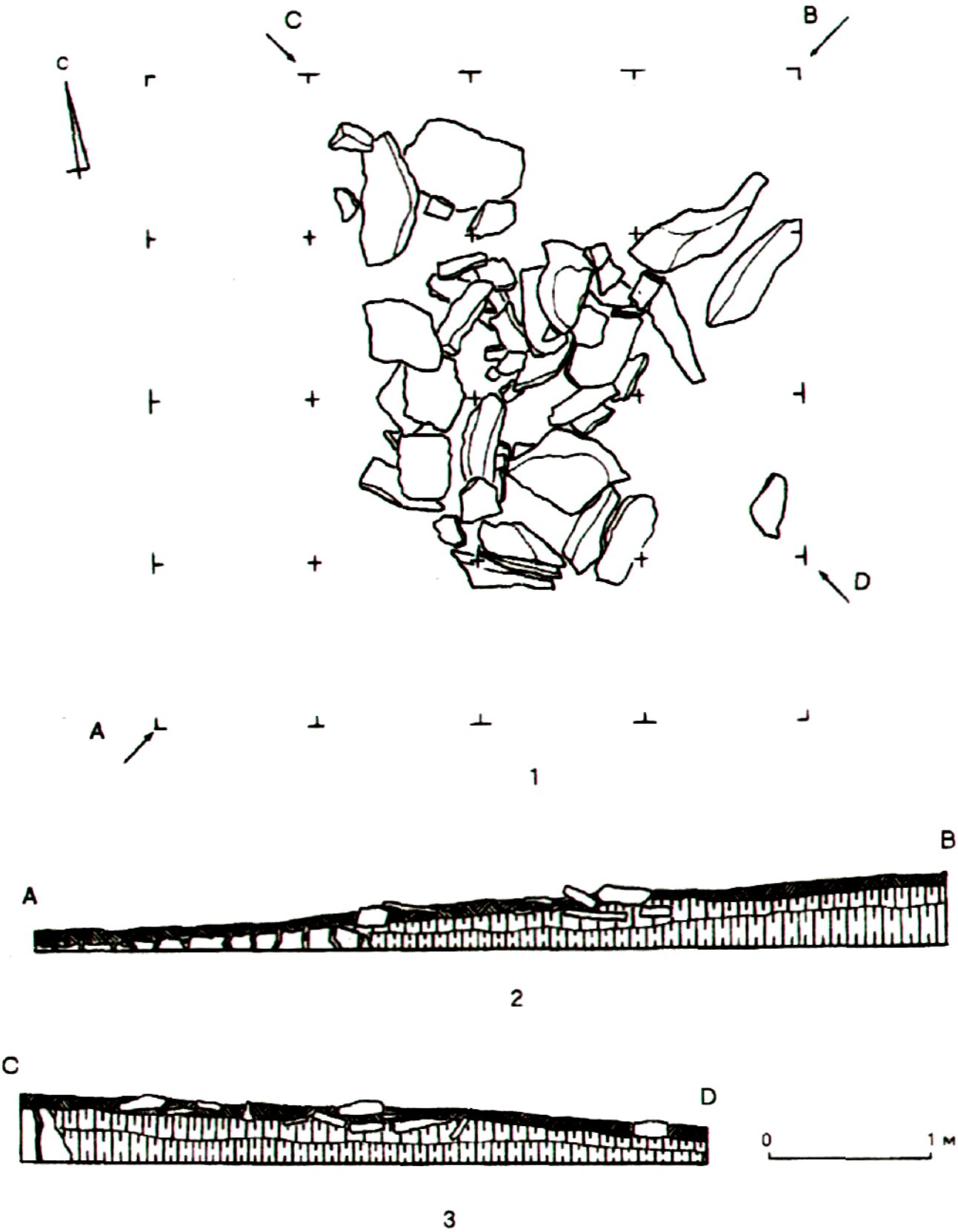


Рис. 9. Олзонтэй VI, комплекс 3

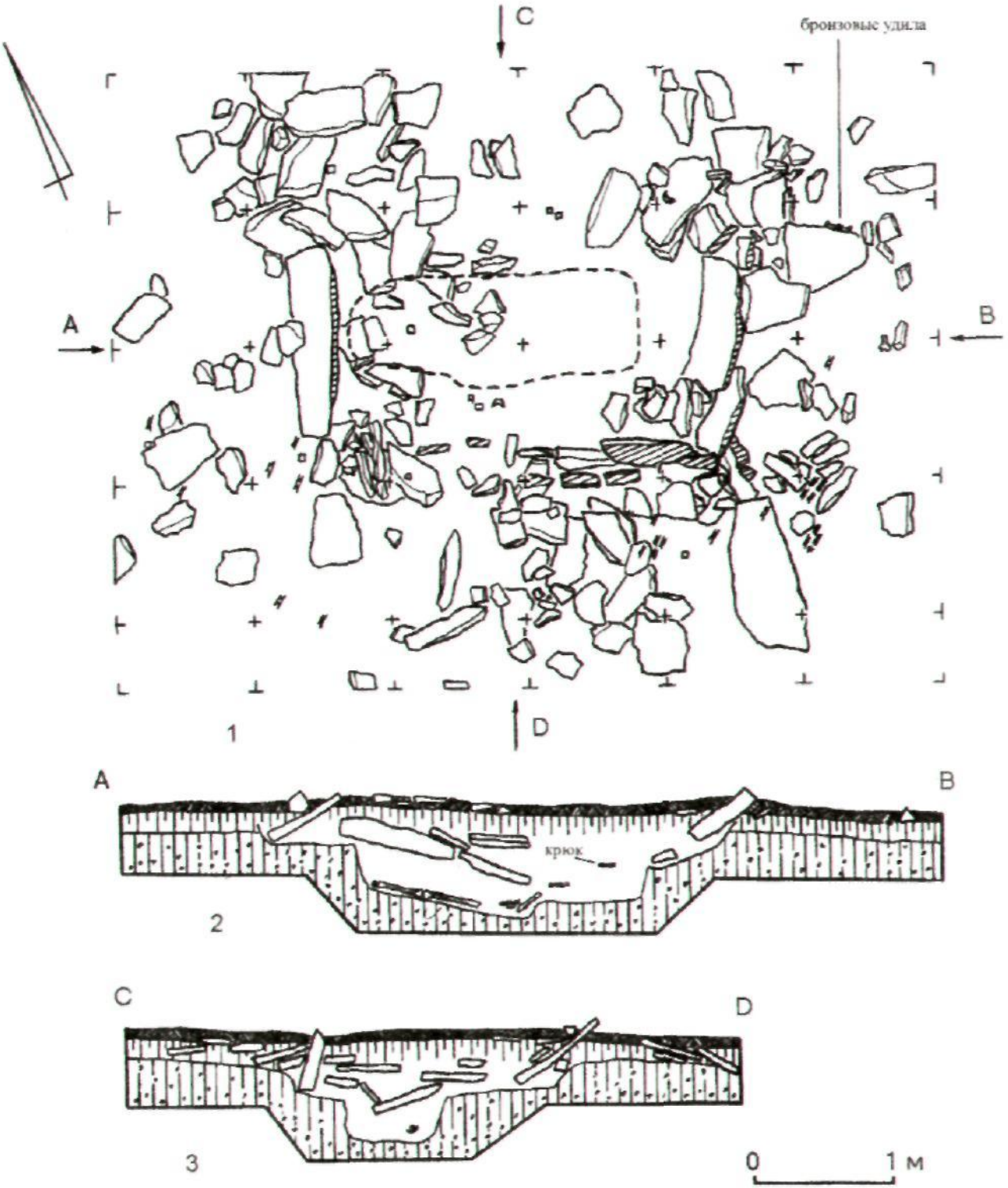


Рис. 10. Олзонтэй VI, комплекс 4

перекрытия, уложенных в два слоя. Верхний слой. зафиксированный на глубине 0,22-0,36 м от современной поверхности, представлен пятью плитами, размером от 0,51 х 0,44 х 0,08 до 0,20 х 0,16 х 0,05 м. Отмечается тяготение их пространственного расположения к центральной части внутреннего пространства оградки. Нижний уровень перекрытия, по всей видимости, покрывал всю площадь внутри оградки. Он залегал на глубине 0.36-0.60 м от современной поверхности и состоял из плотно уложенных друг к другу нескольких плит (рис. 10-2,3), крупная имеет размеры 0,94 х 0,78 х 0,17 м, меньшая -0,33 х 0,12 х 0,06 м. В восточной части оградки, традиционно для плиточных могил, отсутствуют плиты перекрытия. Две из них отмечены в юго-восточном \тл> внутреннего пространства оградки, их размеры -0,52 х 0,30 х 0,08 и 0.26 х 0,20 х 0,06 м (рис. 11-1).

Под надмогильным перекрытием на глубине 70 см от поверхности земли была зафиксирована могильная яма прямоугольной формы. Ее размеры 2,14 х 0,7 м, максимальная глубина 0,52 м. Однако, при сооружении ее глубина была меньше. Разница объясняется тем, что поперек могильной ямы после ее сооружения прошла криогенная трещина, опустившая западную часть ямы. Вероятно, первоначальная ее глубина составляла около 0,28-0,32 м.

На дне могильной ямы были обнаружены останки погребенного мужчины (adultus-maturus). Только кости ног, а также лучевая и локтевая кости левой руки соблюдали анатомический порядок. Также отмечено несколько фрагментов других костей. По расположению костей ног можно предположить, что умерший был уложен в позицию вытянуто, на спине, верхней частью корпуса направлен в восточный сектор (рис. 11-2).

При расчистке кладки с внешней стороны оградки были зафиксированы отдельные скопления костей животных со следами сколов, преимущественно дислоцировавшихся за пределами юго-восточного сектора оградки. Среди остеологического материала. большая часть которого не позволяет установить вид животного, выделены: а) лошадь - четыре копыта, кость заплюсны, фрагмент левой плечевой кости, три верхних зуба; б) баран - фрагмент левой лучевой кости и вторая фаланга; в) КРС два верхних предкоренных зуба.

Также по всей площади раскопа отмечены 14 незначительных по размерам фрагментов гладко-стенного и орнаментированного оттисками "шнура" сосудов (рис. 12-3,4, 5). К северо-востоку от оградки, под плитой, обнаружены бронзовые удила со стремевидными окончаниями (рис. 12-7). Подобные же удила найдены среди скопления плит и камней к северо-западу от оградки (рис. 12 - 6). В северовосточной части могильной ямы, на уровне расположения плит перекрытия зафиксирован крюк-подвеска из бронзы (рис. 12-1). Под локтевыми костями левой руки отмечена бронзовая сферическая бляшка (рис. 12-2), вероятно, находившаяся в деревянном футляре, часть которого сохранилась благодаря окислам меди. В центральной части ямы обнаружена полушаровидная бляшка-путовшш с насечками по краю (рис. 12-8). Кроме того, на дне ямы отмечены россыпью жабры и позвонок рыбы (рис. 11-2).

Комплекс *St* 5. Плиточная могила была раскопана в 1999 г. На месте дислокации незначительно просматривавшейся на современной поверхности земли конструкции был заложен раскоп 4.5 х 4,5 м (рис. 13 - 5). После расчистки установлена площадь современного пространственного распределения надмогильной конструкции - 3,14 х 3,40 м. Плиты, смещенные в древности со своего первоначального местоположения в конструкции, зафиксированы с внешней стороны юго-восточной и северо-восточной стенок оградки. Без перемещенных плит, размеры которых варьируют от 0,92 х 0,59 х 0,23 до 0,33 х 0,16 х 0.06 м, площадь надмогильной кладки составляла при сооружении, вероятно, 2,7 х 2,3 м. Оградка длинной осью ориентирована по линии северо-запад - юго-восток (аз. 115"). В горизонтальной проекции она имеет близкую к квадратной форму. Ее внутреннее пространство составляет 2,24 х 2,22 м.

Юго-западная торцевая стенка оградки в момент раскопок состояла из двух вертикально установленных плит размерами 0.95 х 0,3 х 0,13 и 0,3 х 0,16 х 0.02 м. Северо-восточная торцевая стенка сконструирована из двух стоящих на ребре плит, размерами 1.0 х 0,3 х 0,06 и 0,65 х 0,32 х 0,13 м. Они расположены в один ряд. достаточно плотно друг к другу. Юго-восточная боковая стенка оградки представлена четырьмя плитами. размеры которых варьируют от 0,52 х 0,33 х 0.03 до 0.28 х 0.17 х 0.02 м. Пространственно они тяготеют к центральной части стенки, установлены в один-два ряда. От северо-западной боковой стенки оградки в вертикальном положении сохранилось две плиты размерам и 0.86 х 0,52 х 0,05 и 0.36 х 0,28 х 0.05 м. Плиты установлены в два ряда в центральной части стенки. Плиты, составляющие боковые стенки оградки, установлены в специально выкопанные траншеи, шириной до 0,3 м и глубиной свыше 0.4 м. Другой конструктивной особенностью сооружения является отсутствие креп иды. Вместе с тем, по углам оградки отмечены плиты, которые можно обозначить как распорки, т.к. они расположены под утлом к обеим смежным стенкам оградки и плиты оградки опираются на них.

В пределах внутреннего пространства оградки зафиксированы плиты перекрытия, причем расположенные по периметру обнаружены в положении in situ. Размеры плит перекрытия варьируют от 0.76 х 0.52 х 0,06 до 0,56 х 0,41 х 0.08 м. Они уложены горизонтально и непосредственно примыкают ко всем стенкам оградки, кроме юго-восточной - между плитами стенки и краями плит перекрытия расстояние составляет 0,4-0.5 м. Плиты перекрытия не отмечены на восточной половине, в центре покрытой перекрытием площади. Вероятно, плиты перекрытия первоначально были уложены в один слой. покрывающий место дислокации могильной ямы, вдоль ближайших стенок оградки. Центральную часть, по всей

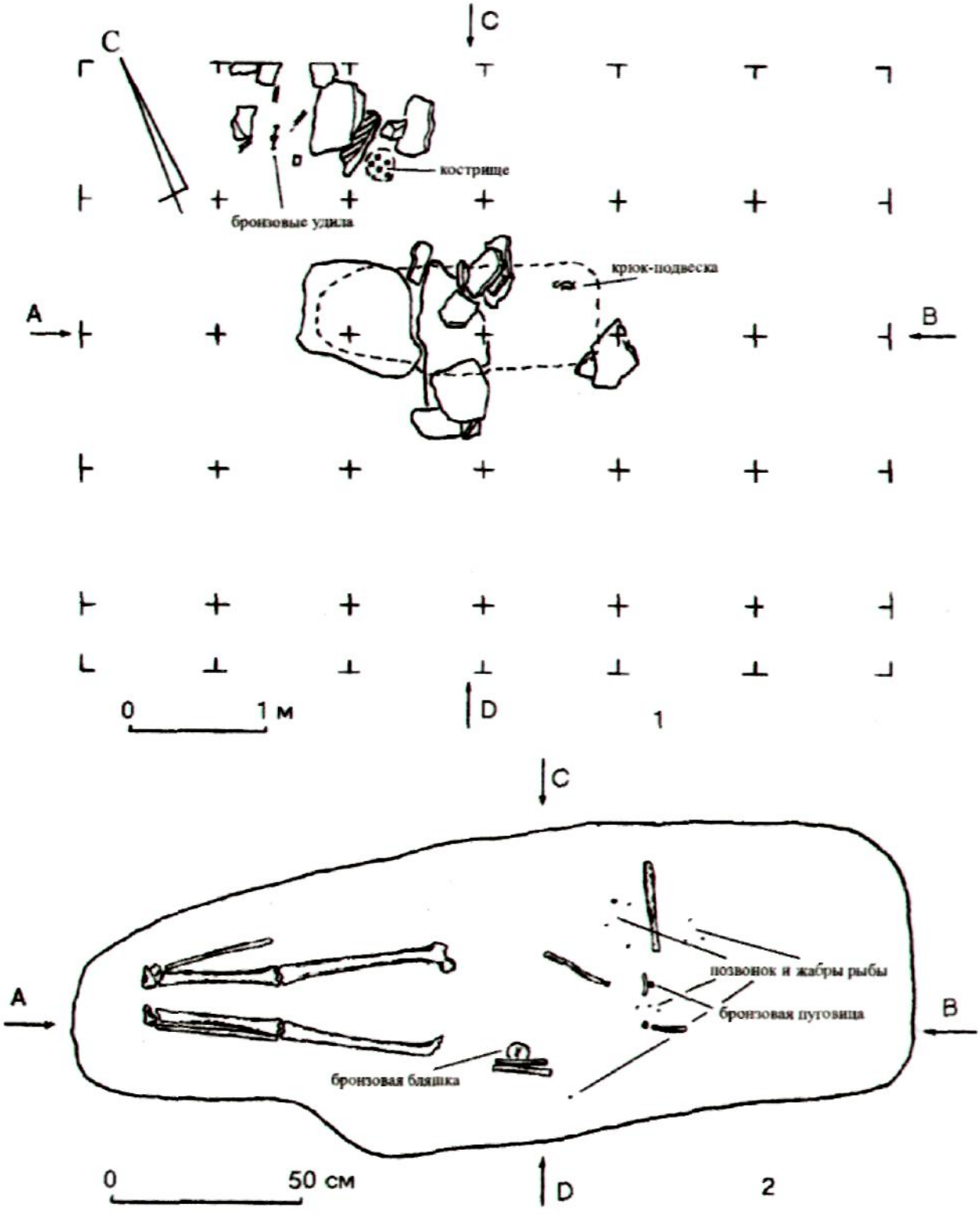


Рис. 11. Олзонтэй VI, комплекс 4

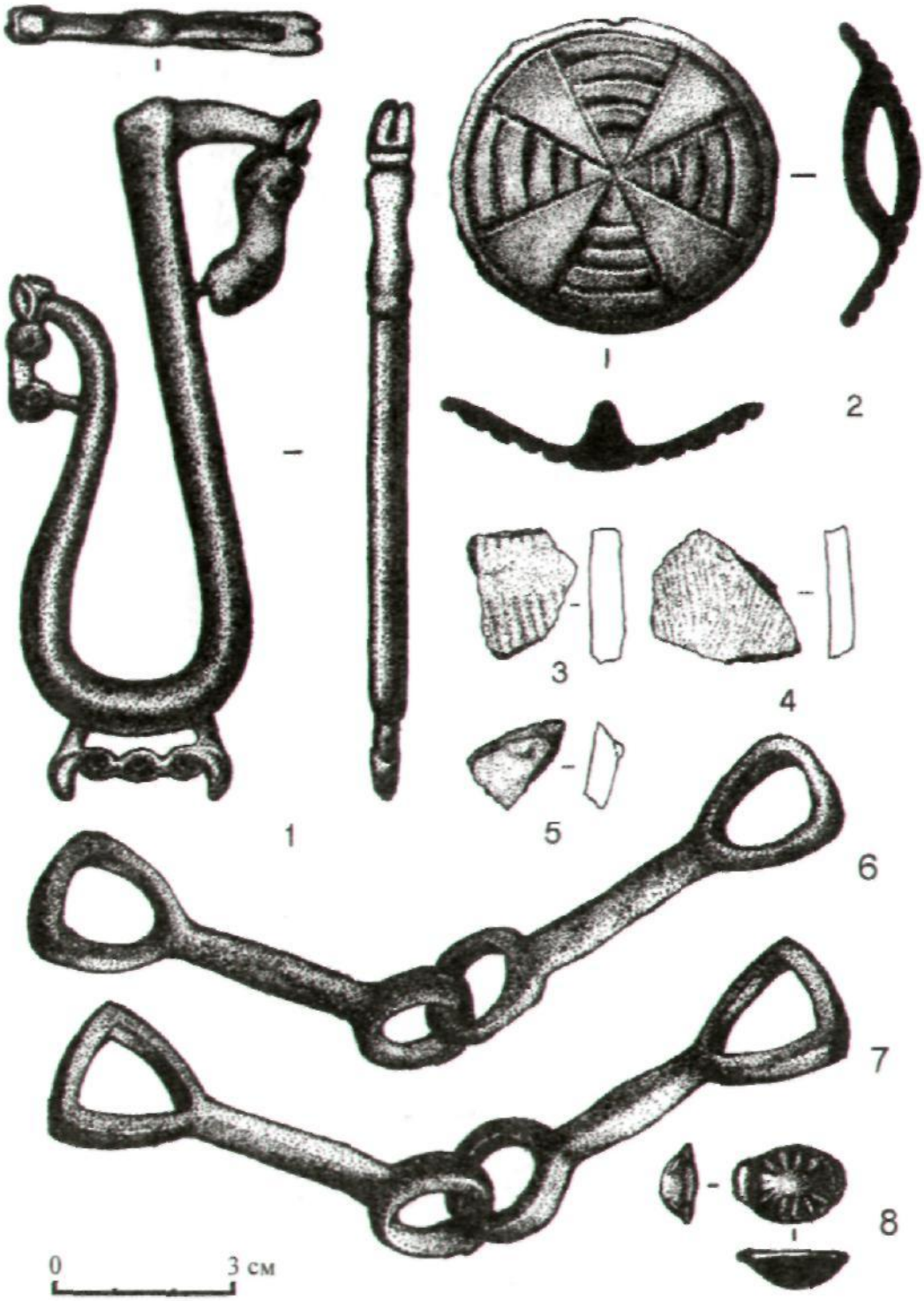


Рис. 12. Олзонтэй VI, комплекс 4. Находки

видимости, закрывали плиты, которые укладывались параллельно торцевым стенкам оградки.

Непосредственно под уровнем залегания сохранившихся плит перекрытия выявлена могильная яма. Она расположена в северо-восточной части внутреннего пространства оградки, параллельно длинным стенкам оградки. Размер и форма могильной ямы меняются с увеличением глубины. В верхней части она овальная, длиной 2,2 м и шириной до 1 м. Ближе к дну ее контур теряет правильность, яма сужается в центральной части, при этом длина ее составляет 2,06 м, ширина до 0,8 м. Глубина ямы - 0,35-0,4 м (рис. 13 -2,3).

В своем заполнении яма содержала остатки сильно потревоженного захоронения. В восточной половине ямы, на различных нивелировочных отметках обнаружены три зуба человека. В центральной части ямы, на разной глубине залегания зафиксированы

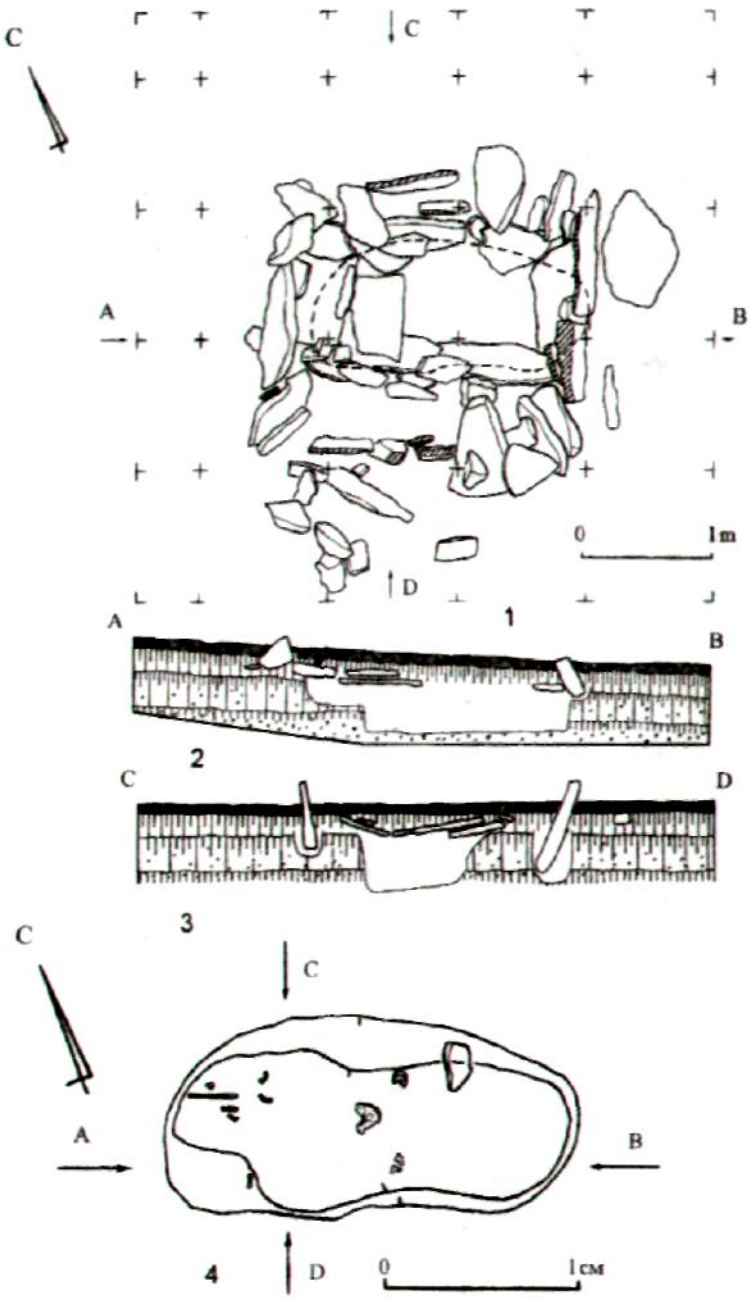


Рис. 13. Олзонтэй VI, комплекс 5

фрагменты ребер и двух позвонков, а также располагавшиеся один на другом два дистальных эпифиза бедренных костей. На дне обнаружена левая тазовая кость. В западной части ямы, также на различной глубине, отмечены фаланги, фрагменты ребер и позвонков. На дне в непотревоженном положении зафиксирована правая малая берцовая кость (рис. 13-4).

Анализ антропологических останков показал, что погребен мужчина 18-20 лет (juvenis). Вероятно, в могильной яме он был расположен головой на ЮВВ, вытянуто, на спине.

Из археологического материала в южной периферии надмогильной конструкции найдены нижний фрагмент метаподии лошади и незначительный фрагмент гладкостенной керамики.

Олзонтэй VIII

Одиночная, сильно задернованная кладка Олзонтэй VIII-1 находится в седловине у вершине горы в 4.2 км к юго-западу от п.Черноруд (рис. 2,14). Памятник открыт Н.М.Багдуевым, Г.В.Туркиным и А.В.Харинским в 1997 г. До раскопок на поверхности земли отмечено несколько плит, образовывавших прямоугольную в плане конструкцию. Из них наиболее четко прослеживались северо-западная торцевая стенка оградки плиточной могилы и отдельные плиты, составлявшие боковые стенки оградки.

На месте расположения кладки Олзонтэй VIII-1 в 1998 г. был заложен раскоп 5 х 4 м (рис. 15-1). Раскоп заложен параллельно конструкции кладки и длинными стенками направлен по линии ЮВВ-СЗЗ (аз. 115°). Общие размеры

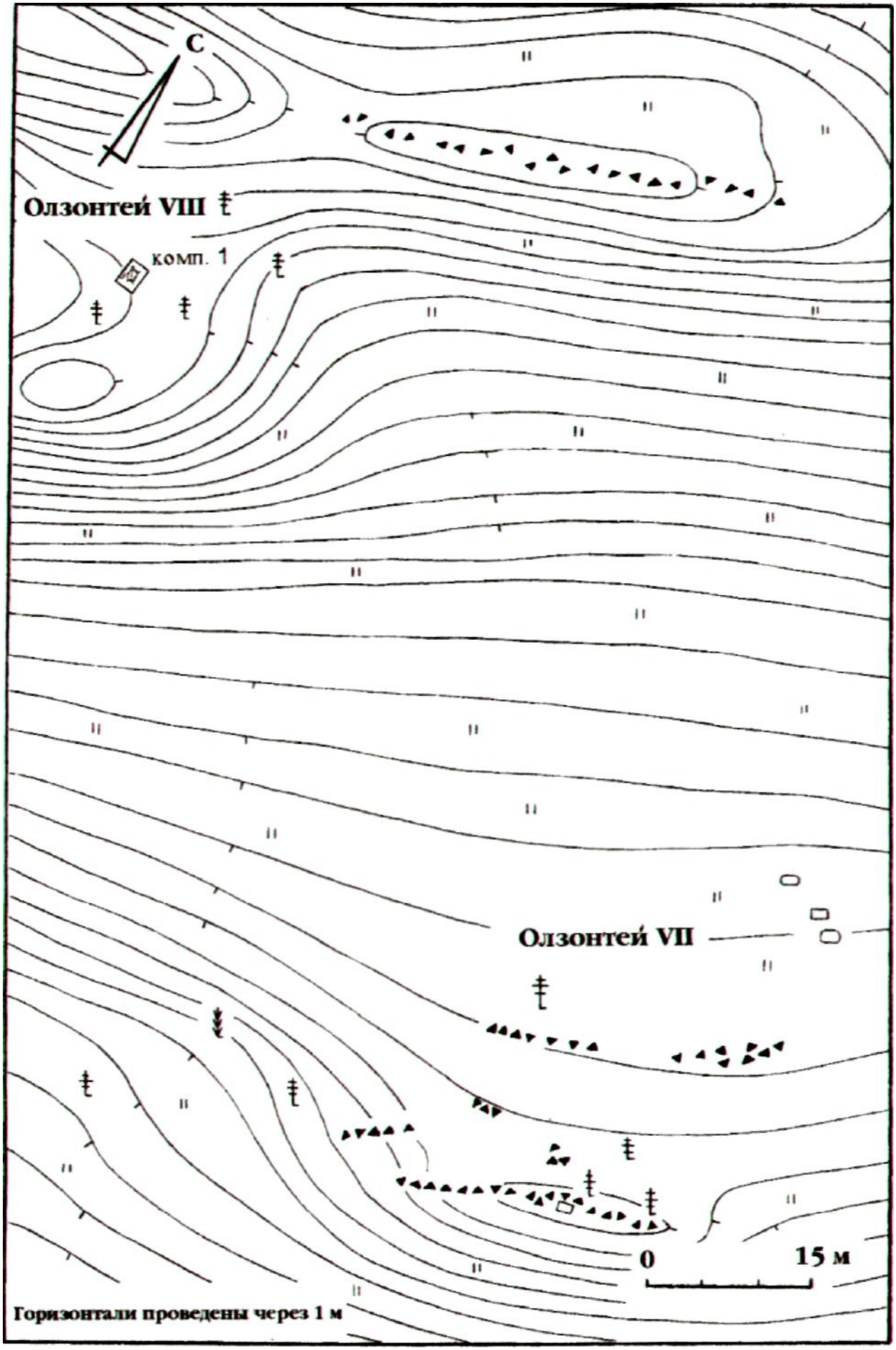


Рис. 14. Олзонтэй VIII

кладки составили 3,20 х 2,20 м. Оградка имеет четырехугольную форму, ее размер 2,90 х 1,20 м. Кладка ориентирована длинной осью по линии с азимутом 115°. Юго-западная и северо-восточная торцевые стенки состоят из двух плит каждая. Размеры юго-западных 1,9 х 0,5 х 0,15 м и 1,2 х 0,15 х 0,1 м. Размеры северо-восточных 1,0х0,25х0,1 ми 1,15х0,28 х0,15м. Северо-западная боковая стенка оградки сохранилась наиболее полно. Она образована 16 вертикально стоящими плитами, установленными в два ряда. Стенка хорошо задернована и вогнута в центр оградки, возможно, из-за воздействия на нее склоновых процессов. От юго-восточной стенки оградки сохранилось 12 плит, также составленных в два ряда.

На сохранившихся в первоначальном виде участках стенок оградки отмечена следующая особенность. Плиты стенок оградки помещены в котлован и установлены поверх горизонтально уложенных плиток. Размеры котлована 3,25 х 1,95 м при глубине 0.15-0,5 м. Северо-западный угол оградки сохранился наиболее полно и позволил отметить особенность крепления торцевой и боковой стенок оградки. С внешней стороны оградки, от крайней плиты боковой стенки до торцевой плиты была расположена плита в наклонном положении к центру конструкции, представляя собой, таким образом, упор для обеих стенок оградки.

В центре оградки, в вертикальном положении, находилась огромная плита перекрытия размером 1,35 х 0,95 х 0,2 м (рис. 15-3). Кроме этой плиты, которая. возможно, перекрывала середину могильной ямы. вдоль стенок оградки зафиксировано несколько плит, размерами от 0,8 х 0,4 х 0,15 до 0,35 х 0,15 х 0,05 м.

Могильная яма отмечена на уровне грубообломочной коры выветривания, в которую она была врезана на глубину до 0,5 м (рис. 16 - 3, 4). Ее линейные параметры в верхней части составили 2,15 х 0,75 м, в районе дна ее размер 1,97 х 0,48 м. Длинной осью могильная яма ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ (аз. 115°). В восточной части ямы, непосредственно над краниальной частью погребения, обнаружены небольшие плитки, вероятно, попавшие в могильную яму после совершения погребального ритуала (рис. 16 ■1).

Захоронение потревожено в древности: кости человека в могильной яме располагались тремя скоплениями. В восточной части ямы находился череп и правая бедренная кость, в центральной части обнаружены левая бедренная, кости руте, несколько позвонков, ребер и фаланг, крестец, фрагмент правой тазовой кости и ветка нижней челюсти. Анатомический порядок сохранили кости ног ниже коленного сочленения (рис. 16-2).

Анализ антропологических останков показал, что погребенных двое: женщина возмужалого возраста (adultus) и ребенок до 1 года. От второго скелета сохранились лишь правая лобная кость, левая лопатка и фрагмент ребра

Антропологические останки в центральной части ямы имеют следы окислов меди. Это говорит о том, что изъятие металлических или мет алл ического изделия произошло после того, как останки погребенного были смешены. Здесь же обнаружены незначительные фрагменты древесины, сохранившейся благодаря окислению медью, - возможно, это остатки ножен или чехла. Исходя из расположения берцовых костей, можно сделать вывод о том, что погребенная была уложена в позицию вытянуто на спине, головой на восток. Среди плит северо-восточной стенки оградки найден фрагмент керамики с оттисками грубого "шнура" (рис. 15 - 2), среди плит перекрытия в восточной части могильной ямы зафиксированы отшеп из горного хрустатя и проксимальный сегмент пластины из халцедона

Олзонтэй XVI

Одиночная кладка дислоцирована в 3,5 км на ССВ от п. Черноруд. Памятник открыт А.В.Харинским и Г.В.Туркиным в 1998 г. и находится в микролощине. ориентированной по линии с азимутом 45°. Микролощина окаймлена грядами скальных выходов. расстояние между которыми 13 м. В 1999 г. были проведены ее раскопки. На месте расположения кладки был заложен раскоп, размером 4 х 3 м (рис. 17 - 1). Длинными стенками раскоп направлен по линии СЗ-ЮВ (аз. 135°). Кладка овальной формы, в виде оградки из вертикально установленных камней, имела размеры 2.6 х 1,7 м. Надмогильная конструкция ориентирована длинной осью по азимуту 120 °. Размеры внутреннего пространства оградки составили 2,3 х 1,1 м.

Короткие торцевые стенки оградки образованы одиночными плитами. Размеры юго-восточной из них 1,14 х 0,43 х 0,07 м, северо-западной - 0,84 х 0,35 х 0.07 м. Боковые стенки оградки включают по шесть вертикально установленных плит. Размеры плит юго-западной стенки от 0,4 х 0,14 х 0,05 до 0,55 х 0,45 х 0.09 м. Величина плит северо-восточной варьирует от 0,2 х 0.15 х 0,02 до 0,5 х 0,5 х 0,05 м. В юго-западной части раскопа обнаружено скопление плит размерами от 0,16 х 0,15 х 0,03 до 0,59 х 0,46 х 0,04 м. В северо-восточном и юго-восточном углах оградки отсутствуют плиты. По мере расчистки надмогильной конструкции стратиграфическими наблюдениями было зафиксировано, что плиты оградки установлены в специальную траншею. Она проложена от юго-восточного края выявленной могильной ямы по ее периметру. Расстояние между траншеей и границами могильной ямы колеблется в пределах 0,11-0,28 м. Ширина самой траншеи ограничивается 0,14-0,2 м. глубина достигает 0.18-0.2 м. Плиты оградки устанавливались на дно траншеи без всяких вспомогательных компонентов, употребляемых для удержания плит в вертикальном положении. На данное обстоятельство указывает то, что в узкой траншее северо-восточной стенки оградки плиты продолжали спустя много веков стоять вертикально, в то время как в широкой траншее юго-западной стенки они были наполовину опрокинуты (рис. 17-2,3). Кроме того, во время раскопок надмогильного сооружения отмечено, что в составе боковых стенок оградки, по

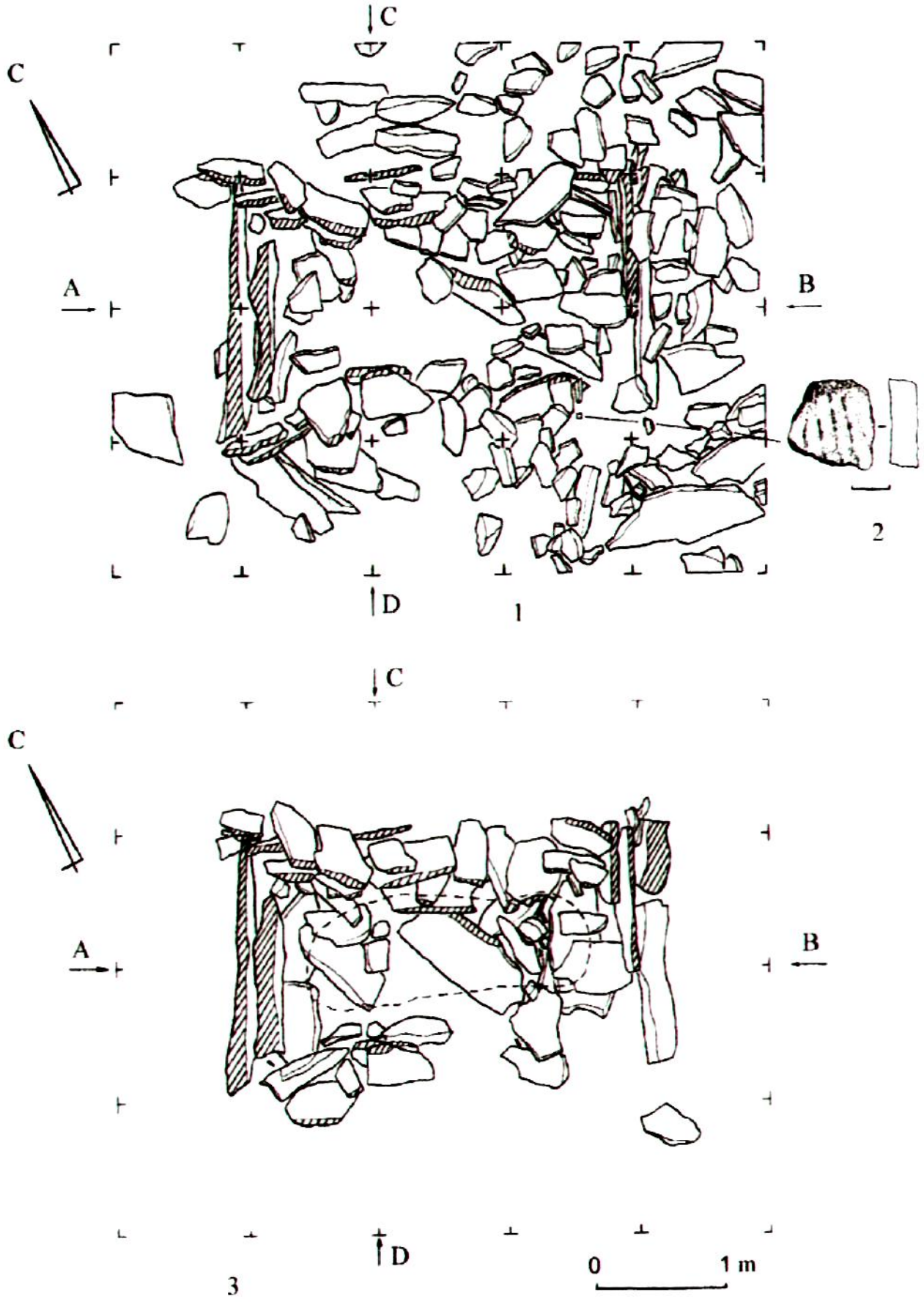
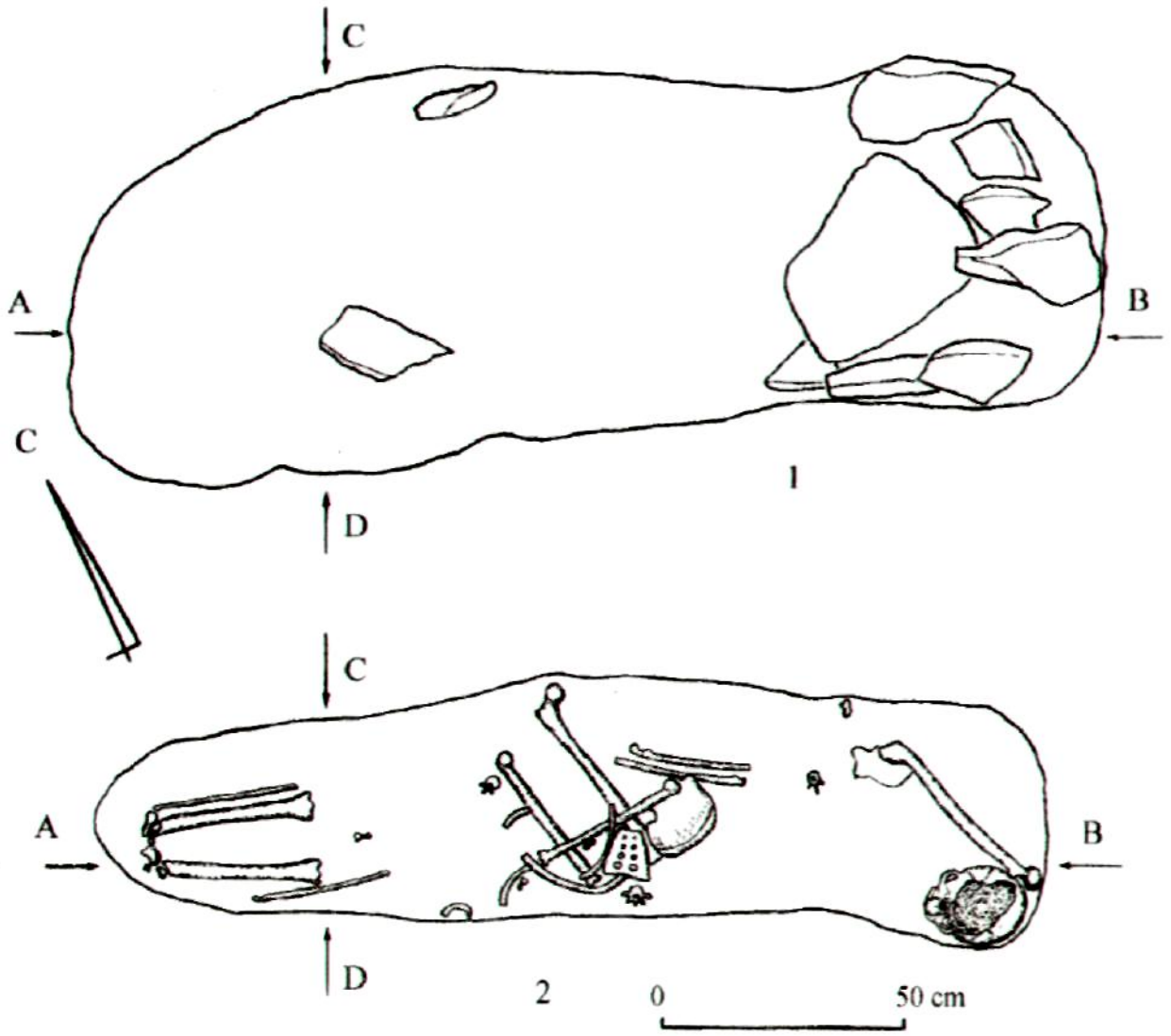
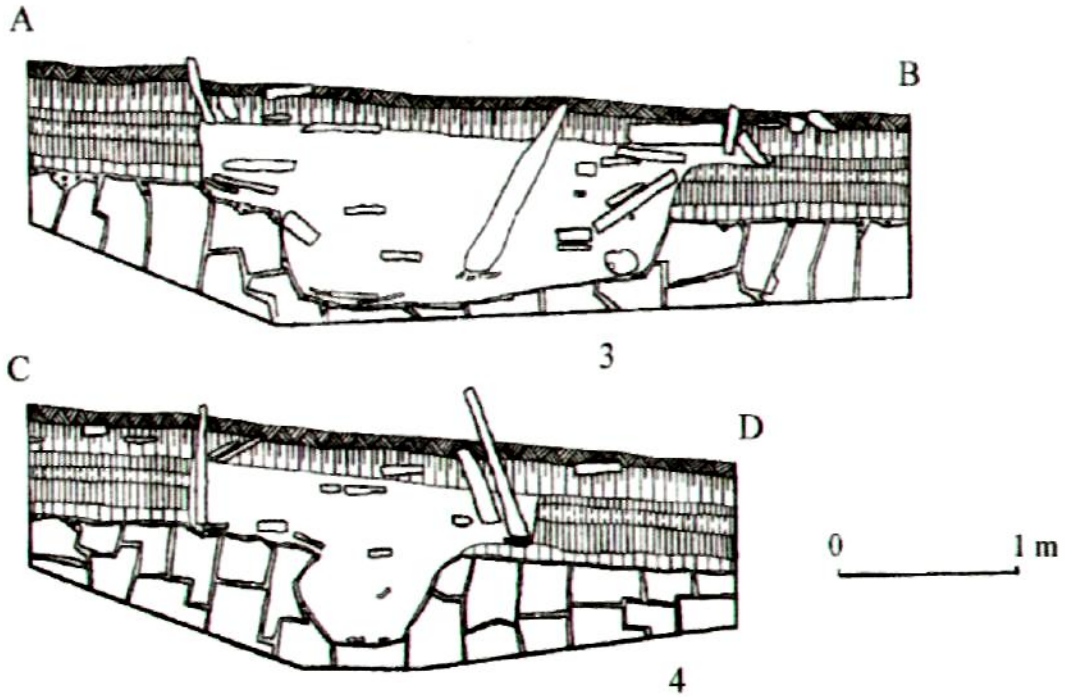
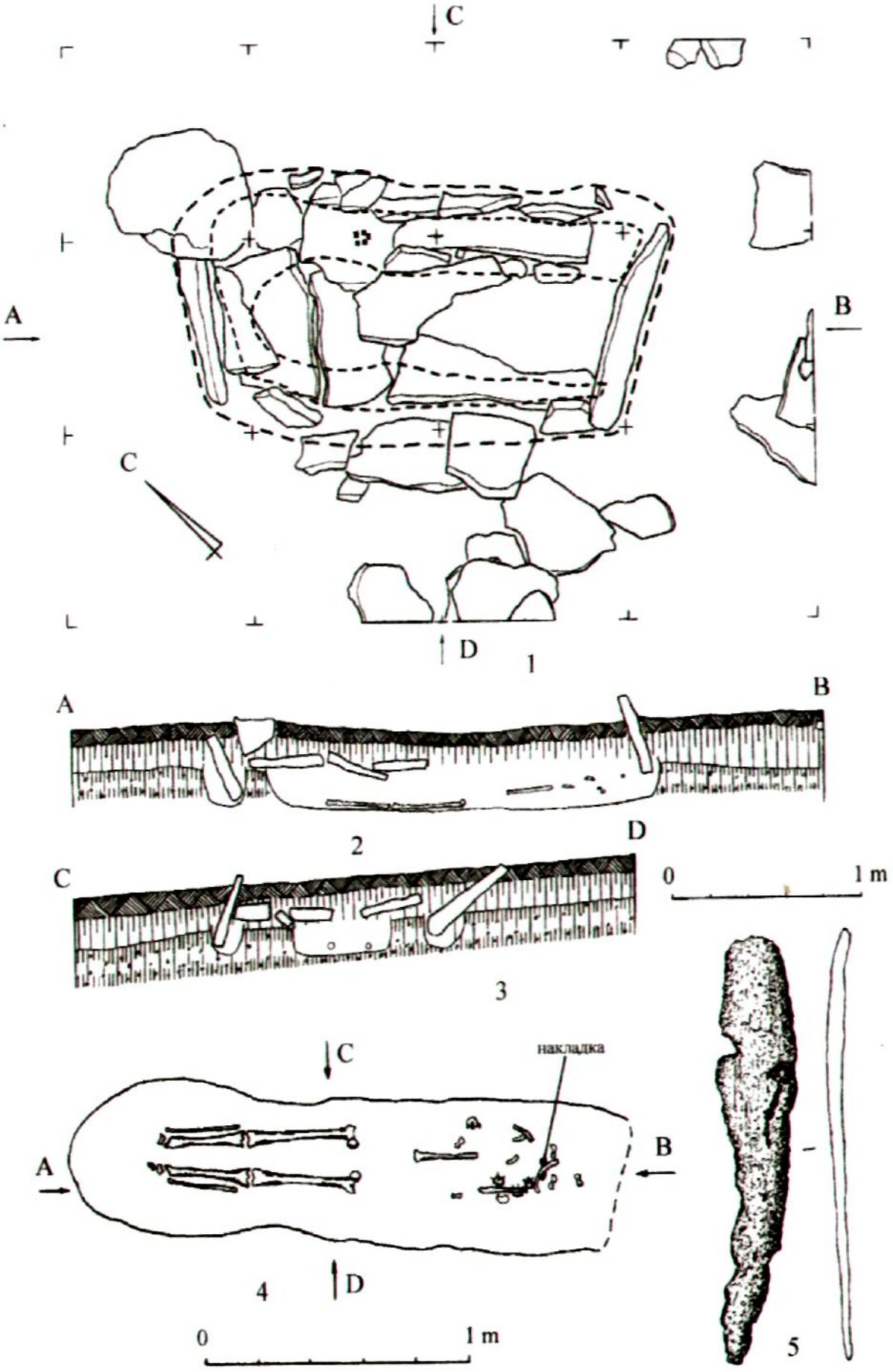


Рис. 15. Олзонтэй VIII, комплекс 1


C
A
B
C
D
1
C
A
B
D
2
0
50 cm


A
B
3
C
D
4
0
1 m


C
A
B
C
D
1
A
B
2
D
C
0
1 m
3
C
накладка
A
B
4
D
0
1 m
5

краям, использовались более длинные плиты.

Плиты перекрытия отмечены вдоль стенок оградки, где они были уложены в виде сплошной, хорошо подогнанной выкладки, которая вплотную примыкает к плитам, составляющим оградку плиточной могилы. Их размеры варьируют от 0,3 х 0,18 х 0,04 до 0,8 х 0,4 х 0,06 м. В северо-западной части оградки плиты перекрытия укладывались поперек боковых стенок, в юго-восточной части вдоль них. У северо-восточной стенки оградки плита перекрытия имеет размеры 0,98 х 0,27 х 0,08 м, у юго-западной плиты - 1,06 х 0,32 х 0,05 м. В юго-восточной части внутреннего пространства оградки, примыкающей к торцевой стенке, плит перекрытия не зафиксировано.

Непосредственно под плитами перекрытия, по изменению плотности и окрашенности грунта, выявлены контуры могильной ямы. Она вытянутой формы, с длинными параллельными стенками. Северо-западный край могильной ямы закруглен, противоположный переходит в траншею для плит оградки. Общие размеры ямы, ориентированной по линии СЗ-ЮВ (аз. 138"), составили - 2,1 х 0,56 м. Глубина могильной ямы составила 0,23-0,25 м.

На дне могильной ямы. а также в средней части ее заполнения обнаружены останки погребенного (рис. 17-4). Череп и большая часть скелета отсутствовали. В непотревоженном положении в северо-западной части ямы зафиксированы кости ног. Они находились в анатомическом сочленении с костями плюсны. В юго-восточной части на разной глубине отмечены локтевая кость левой руки, а также фрагменты ребер, позвонков, фаланг. Все они найдены смещенными и находившимися в беспорядке. Среди них обнаружена концевая накладка на лук из кости (рис. 17-5). Исходя из расположения костей ног, можно заключить что умерший был уложен на дно могильной ямы на спину, вытянуто, верхней частью корпуса направлен на юго-восток (аз. 135").

Анализ антропологического материала показал, что погребенный - мужчина возмужалого возраста (adultus-matums).

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ

Надмогильная конструкция

Особое место в изучении плиточных могил Предбайкалье занимает установление отличий надмогильных конструкций. Как правило, попытки классификации погребальных кладок исследователи предпринимают либо при немногочисленности обнаруженного археологического материала, либо в связи с необходимостью интерпретировать полученный материал по культурно-хронологическим признакам. В первом случае такая ситуация сложилась с плиточными могилами Предбайкалья. О.И.Горюновой плиточные могилы были разделены на две части по размерам конструкции - крупные и малые (Горюнова. 1993). Несколько ранее М.А.Зайцевым была предложена специальная методика-программа исследования плиточных могил, рекомендующая широкую расчистку всей кладки вокруг центра могилы - оградки и подробную графическую фиксацию процесса раскопок (Зайцев. 1977). Применение подобной методики, сводившейся, по сути дела, к выявлению морфологической особенности кладки плиточной могилы, привело к неизбежным попыткам классификации надмогильных сооружений. По архитектурным особенностям конструкции оградки А.В.Харинским (Харинский, 1995) выделены следующие группы комплексов:

•Хужирская группа - оградка овальной формы. размер кладки 3,0-3,2 х 4,6 м;

•Тырганская группа - оградка прямоугольной формы из вертикально установленных плит, размер кладки 1,2-6,5 х 1,8-8.5 м;

•Хужир-нутойская группа- оградка прямоугольной формы, размер кладки 2,4-3,3 х 3,2-4,4 м. В торцах оградки располагаются вертикальные плиты. По бокам конструкции в один ряд горизонтально укладывались крупные камни, служившие опорой для плит. составлявших боковые стенки оградки. Последние располагались наклонно к центру ямы в 2-3 слоя.

Далее предлагается анализ могильной конструкции семи плиточных могил пади Олзонтэй, исходя из классификации А.В.Харинского. Основной отличительной чертой плиточной могилы является оградка. поэтому сначала традиционному рассмотрению подвергается ее форма, размеры внутреннего пространства и принципы сооружения оградки. У большей части могил форма оградки характеризуется как прямоугольная - Олзонтэй I-1. Олзонтэй VI-1,2,4, Олзонтэй VIII-1. У погребения Олзонтэй VI-5 в горизонтальной проекции форма оградки квадратная. у могилы Олзонтэй XVI-1 она овальная. При характеристике могильных конструкций плиточных могил используются, как правило, два линейных параметра, дающие представление о комплексе размеры кладки и размеры оградки. Под размерами кладки, т.е. всей надмогильной конструкции. подразч-мевается площадь, на которой фиксируются все предположительно относящиеся к ней элементы. Однако за пределами оградки могут располагаться не только те плиты и камни, которые находились там по замыслу строителей, но и попавшие туда в результате разрушения конструкции. Так как абсолютное большинство плиточных могил подвергалось разрушению, то установление первоначальных размеров кладки практически невозможно. Ситуация с линейными параметрами оградки противоположна. Несмотря на степень разрушения оградки, у подавляющего большинства плиточных могил установить размеры внутреннего пространства оградки с погрешностью до нескольких сантиметров вполне возможно. В совокупности у всех могил пади Олзонтэй размеры составили от 2,3-2,9 х 1,1-2,22 м. Если исключить из обобщенных данных размеры оградки могилы Олзонтэй VI-5, то параметры составляют 2,3-2,9 х 1.1 -1,7 м. По подсчетам А.Д.Цыбиктарова имеются данные о

линейных параметрах ограды 399 могилах (Цыбиктаров. 1998:39). Ординарными размерами оградки, имеющими наиболее широкую распространенность, определены 2-4 х 1 -3 м (свыше 70 %). В указанной работе отмечено, что более крупные тяготеют, вероятно, к окраинным южному и восточному ареалу культуры плиточных могил. При сравнении с размерами оградок плиточных могил Забайкалья и Монголии можно констатировать, что отличий фактически нет.

Под принципами сооружения надмогильной конструкции плиточных могил подразумеваются подходы строителей к проблеме закрепления плит оградки в вертикальном положении. У плиточных могил пади Олзонтэй зафиксированы два подхода к строительству надмогильной кладки. Во-первых, надмогильное сооружение находилось в пределах вырытой в почве ямы с вертикальными стенками. В центральной части такого котлована выкапывалась яма, предназначенная для помещения умершего или каких-либо предметов сакрально-вотивного содержания. Наличие котлована достаточно уверенно фиксируется у комплексов Олзонтэй VI-1,2,4; Олзонтэй VIII-1. Второй подход состоит в минимизации трудовых затрат на возведение оградки из вертикально стоящих плит и камней. Суть этого метода на практике воплощалась в применении специально выкопанной в рыхлом грунте траншеи, которая охватывала по периметру пространство, отводимое для центрального погребально-поминального сооружения. В траншею помещались плиты и блоки, формирующие стенки оградки. Данная ситуация характерна для надмогильных конструкций таких объектов, Олзонтэй I-1; Олзонтэй VI-5; Олзонтэй XVI-1. Дополнительное усовершенствование в закреплении стенок оградки выражается в том, что в некоторых случаях боковые стенки продолжаются и после стыковки с торцевыми стенками. Такая особенность обнаружена у оградок могил Олзонтэй VI-1,2,4; Олзонтэй VIII-1. Примечательно, что в некоторых случаях фиксируется одновременно ситуация, когда кладка опущена в котлован и оградка имеет рассматриваемое конструктивное продолжение. По мнению А.Д.Цыбиктарова (Цыбиктаров, 1998: 35). получается парадокс невозможности сочетания рассматриваемых двух черт, т.к. по описаниям различных исследователей плиты, составляющие оградку, опираются на стенки котлована (Боровка, 1927; Диков, 1958; Харинский, Зайцев, Свинин, 1995). По замечанию исследователя, такая ситуация если не прямым, то косвенным образом логически свидетельствует о сооружении надмогильной конструкции плиточной могилы на древней поверхности почвы. Однако при исследовании олзонтэйских плиточных могил отмечены случаи, когда боковые стенки "заступают" за торцевые на незначительное расстояние - в пределах 0,15-0,35 м. При этом вся оградка находится в пределах котлована, а плиты и блоки, составляющие стенки, находятся в вертикальном положении. Такое расположение стенок стало возможным вследствие закрепления крепидой, а не опорой на стенки котлована. Пространство между стенками оградки и котлована заполнено плитами и камнями крепиды. Выступание боковых стенок за торцевые также способствует более надежному креплению оградки. В конструкции северо-западного угла оградки комплекса Олзонтэй V111-1 плиты торцевой и боковой стенок сходятся под прямым углом. С внешней стороны оградки между ними установлена отдельная плита, которая как бы замыкает угол. благодаря чему получается подобие шатра. При этом плита представляет собой дополнительное ребро жесткости как для торцевой стенки оградки, так и для боковой. Подобная конструкция угла оградки также отмечается у комплексов Олзонтэй VI-1,2. В отношении других объектов следует принимать во внимание, что все без исключения плиточные могилы подверглись разрушению еще в древности, поэтому окончательно установить назначение выступов затруднительно. По всей видимости, они играли роль еще одного крепежного блока.

Характерной особенностью, отличающей конструкцию оградки некоторых плиточных могил пади Олзонтэй, является вполне отчетливо фиксируемые угловые плиты боковых стенок оградки, которые иногда в два раза превышают высоту всех остальных камней оградки. К комплексам, обладающим такой конструктивной особенностью, можно уверенно отнести следующие объекты: Олзонтэй VI-1.2; Олзонтэй VIII-1. Еще одной характерной чертой надмогильных конструкций указанных комплексов следует признать следующую. Плиты, составляющие боковые стенки, в ряде случаев расположены не просто в стык, а выстроены таким образом, что широкой плоскостью они налегают друг на друга, внахлест, являя собой пример применения дополнительной фиксации оградки в вертикальном положении - крепежный.

По результатам анализа надмогильных сооружений плиточных могил пади Олзонтэй можно выделить три разных типа.

К первому типу можно отнести комплексы Олзонтэй I-1, Олзонтэй V1-5 и О;оонтэй XVI-1, которые обнаруживают сходство между собой по установлению плит оградки в специально выкопанную траншею. У могилы Олзонтэй XVI-1 траншея соединяется непосредственно с могильной ямой. Боковые стенки оградки формировались из плит, которые правильней именовать блоками. Их длина нередко достигает 1 м, при близких линейных параметрах толщины и ширины. Блоки устанавливались вертикально, как правило, в один ряд. Однако на комплексе Олзонтэй 1-1 в средней части боковых стенок блоки установлены в два ряда. Камни оградки помещались в специально вырытую траншею, которая проходила по периметру конструкции. Ширина траншеи - 0,3-0,15 м, их глубина достигает 0,6 м. Траншея позволяла закреплять блоки без использования крепиды, следы которой не обнаруживаются. Оградка у сооружений разной формы и не имеет выступов. Более всего данная характеристика устройства надмогильного сооружения

близка выделенной А.В.Харинским хужирской группе плиточных могил Приольхонья. Следовательно, плиточные могилы Олзонтэй 1-1, Олзонтэй VI-5 и Олзонтэй XVI-1 можно отнести к этой группе.

Ко второму типу следует отнести могилы Олзонтэй **VI-1**,2 и Олзонтэй VIII-1. Оградки этих комплексов имеют прямоугольную форму и дислоцированы в котловане. Сходство в строении боковых стенок выражается в установлении высоких угловых плит и расположении плит по отношении друг к другу внахлест. Выделение угловых плит оградки по высоте отмечено в плиточных могилах хужир-нугойской группы (Харинский. Зайцев, Свинин, 1995). Однако, кроме этой черты, другого сходства между могилами хужир-нугойской группы в олзонтэйских второго типа не наблюдается. У последних отсутствуют плиты основания боковых стенок. А.Д.Цыбиктаров отнес плиточные могилы с высокими угловыми плитами к более позднему ацайскому этапу **VIII-VI** вв. до н.э.. предполагая, таким образом, хронологическую эволюцию надмогильных конструкций плиточных могил Забайкалья и Монголии (Цыбиктаров. 1998: рис. 96). Плиточные могилы с высокими угловыми плитами ранее в Предбайкалье не были выделены в отдельную группу. Наиболее ранней, судя по источникам, могилой, обладающей указанной конструктивной особенностью, была раскопанная на памятнике Хоторук III. Поэтому выделяемый отдельный тип могил можно назвать *хоторукским.*

К третьему типу принадлежит могила Олзонтэй VI-4. У нее оградка также прямоугольной формы, но отсутствует выделение угловых плит. Из выделенных А.В.Харинским групп она соответствует характеристике тырганской группы, к которой ее и можно отнести.

Отдельного рассмотрения заслуживают два комплекса, не являющиеся плиточными могилами -Олзонтэй 1-2 и Олзонтэй VI-3. Комплекс Олзонтэй 1-2 был устроен по принципу небольшой плиточной могилы, к тому же выявлен в непосредственной близости от нее. Не исключено, что указанный объект представляет собой некое конструктивное дополнение к основному комплексу, выполнявшее определенную роль в погребально-поминальной обрядности. У плиточных могил Забайкалья и Монголии нередко отмечаются подобные пристройки к основной ограде - т.н. "плиточные могилы со двором"' (Сосновский, 1941: 289 - рис.7). В нашем случае имеется отдельный комплекс, расположенный на расстоянии 2 м от основного сооружения. В отношении комплекса Олзонтэй VI-3 можно предложить следующую интерпретацию. По всей видимости, после определения места по1ребения проводились соответствующие приготовления. В процессе подготовки, по всей вероятности, около выбранного места концентрировался строительный материал. Примером этой подготовки и может служить кладка явно искусственного происхождения Олзонтэй VI-3. в районе которой, надо отметить, не обнаружено никаких следов ям или находок.

Особое внимание при рассмотрении надмогильных сооружений плиточных могил уделяется ориентации оградок. Для забайкальских и монгольских могил в качестве господствующего направления установлена ориентировка по линии восток-запад. Из 260 привлеченных для рассмотрения оградок подобная ориентация отмечена более чем у 60 % (Цыбиктаров, 1998:41). Еще 25,8 % сохранили направление, которое можно охарактеризовать как СЗ-ЮВ. с различным градусом отклонения от широтного. У 6 олзонтэйских могил оградки ориентированы длинной осью непосредственно по азимуту 97"-120°, что соответствует линии СЗ-ЮВ. У комплекса Олзонтэй 1-1 оградка направлена по линии ССЗ-ЮЮВ (аз.200°). Таким образом, в ориентации оградок плиточных могил, устанавливаемой при строительстве комплекса, наблюдаются некоторые отличия между могилами Предбайкалья, с одной стороны, и Забайкалья и Монголии, с другой. С чем может быть связана эта незначительная особенность в определении строителями направления сооружаемой оградки плиточных могил, будет рассмотрено при анализе ориентировок погребениых.

Надмогильное перекрытие

Приступая к рассмотрению особенностей надмогильного перекрытия, следует констатировать. что априори при процессе осквернения или ограбления древних комплексов оно подвергалось разрушению в гораздо большей степени, чем другие части погребально-поминальной конструкции. Связано это с тем, что осквернителям для доступа к погребенному и сопроводительным предметам не было необходимости разрушать непосредственно всю конструкцию, чего о перекрытии сказать нельзя. Чаше всего не удается даже проследить ее присутствие, не говоря уже о том. чтобы зафиксировать уровень залегания перекрытия и другие параметры. Примечательно, что в новейшем исследовании, посвященном изучению плиточных могил Забайкалья и Монголии, особенности конструкции надмогильного перекрытия практически не рассматриваются (Цыбиктаров, 1998). Вследствие этого данные, позволяющие более-менее объективно счлить о форме, конструкции, последовательности и характере сооружения перекрытия, весьма ограничены.

Во внутреннем пространстве оградок плиточных могил Олзонтэй VI-1,2 и Олзонтэй VIII-1 зафиксированы огромные плиты, длина которых нередко превышает 1,2 м при ширине до 0,8-1,0 м. Толщина плиты достигает также значительной величины - до 0,25-0.3 м. Так как-иногда в таких случаях оградка плиточной могилы насчитывает практически полный комплект стенкообразующих элементов, логично предположить. что подобные плиты некогда составляли перекрытие. И, наоборот, в тех случаях, когда такие плиты отсутствуют, можно с уверенностью констатировать, что перекрытие было сформировано из более мелких плит, которые и фиксируются. Наша уверенность

основывается на убеждении, что у грабителей не было необходимости удалять крупную плиту перекрытия за пределы оградки. Косвенно это подтверждается тем. что практически во всех случаях массивные плиты перекрытия отмечены в вертикальном или наклонном положении в центральной части оградки. Впрочем, по мнению Ю.С.Гришина, это не что иное, как каменная перегородка между отделениями, предназначенная "для различных целей (в одном го них находился покойник, а в другом - некоторая часть заупокойного снаряжения)" (Гришин, 1981:123).

К числу плиточных могил, у которых зафиксирована большая часть надмогильного перекрытия R практически несмещенном состоянии, относятся комплексы Олзонтэй V1-5 и Олзонтэй XVI-1. Причем у первой могилы перекрытие оказалось вообще в непотревоженном положении. Поэтому оказалось возможным реконструировать последовательность укладки плит перекрытия при строительстве погребально-поминального комплекса Олзонтэй VI-5. Плиты перекрытия не отмечены на восточной половине, в центре покрытой перекрытием площади. Вероятно, плиты перекрытия первоначально были уложены в один слой, который непосредственно покрывал место нахождения могильной ямы, вдоль ближайших к ней стенок оградки. Затем по его краям были расположены дополнительные плиты перекрытия. Центральную часть, по всей видимости, закрывали более крупные плиты, которые укладывались параллельно торцевым стенкам оградки. Они уложены горизонтально и непосредственно примыкают ко всем стенкам оградки, кроме юго-восточной - между плитами стенки и краями шшт перекрытия расстояние составляет не менее 0,4-0,5 м. Сохранившаяся в хорошем состоянии часть перекрытия у комплекса Олзонтэй XVI-1 позволяет также сделать вывод о практически полном заполнении внутреннего пространства оградки, что может свидетельствовать в пользу сооружения сначала перекрытия, а затем стен оградки.

При сопоставлении надмогильных перекрытий олзонтэйских и забайкальских плиточных могил можно отметить, что прослеживаются некоторые сходные черты как в конструкции, так и в расположении плит перекрытия. Во-первых, в плиточных могилах Забайкалье и Монголии все внутреннее пространство оградки заполнено плитами. Такая ситуация наблюдалась при раскопках могилы № 80 на ЮЗЗ склоне "Падного камня" (Сосиовский, 1941), погребения №1 у ст.Оловянной (Ступников, 1974: рис. 2), Ацай II-6 (Коновалов, Свинин, Зайцев, 1983: рис. 2). могил Асгат № 1 (Эрдэнэбаатар, 1995),Уб\т>Билютай№ 101, Уль-Цорон №№ 1 и 2 (Цыбиктаров, 1998: рис. 22, 24), погребения 11 могильника Жигуржинка (Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000: рис. 50), могилы № 3 местонахождения Эмгэнт Хошуу (Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000: рис. 1). В первом из перечисленных комплексов в западной части отмечена горизонтальная плита, которая соприкасалась с тремя стенками оградки. закрывая, таким образом, соответствующую периферию внутриоградочного пространства (Сосновский, 1941). фиксируется одно-двухслойное перекрытие. Например, комплексы JfeNs 2 иЗ у ст.Оловянной (Ступников. 1974: рис. 3.5), погр. 9 Жигуржинки (Кириллов, Ковычев. Кириллов, 2000: рис. 51), возможно, могилы 1 и 2 памятника Усть-Цорон (Цыбиктаров. 1998: рис. 23.26) могилы 4 и 5 могильника Ч\луты (Цыбиктаров, 1998: рис 4.51.

В третьих, в некоторых случаях прямо указывается, что плиты перекрытия плотно примыкают друг к другу краями, как. например, у комплекса.N» 101 могильника Убур-Билютай (Сосновский, 1941:296). В других, судя по рисункам, также преобладает возможно более близкое расположение плит перекрытия. Например, у погребения № 1 у ст.Оловянной (Ступников, 1974: рис. 2), у могил Лцай 11-6 (Коновалов, Свинин. Зайцев. 1983: рис. 2),Асгат№! (Эрдэнэбаатар, 1995), Усть-ЦоронXs№ 1 и 2 (Цыбиктаров, 1998: рис. 22, 24), погребения 11 могильника Жигуржинка (Кириллов. Ковычев, Кириллов. 2000: рис. 50), могилы № 3 местонахождения Эмгэнт Хошуу (Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000: рис. 1).

Могильная конструкция

Под этим термином подразумеваются ямы различного назначения, расположенные ниже надмогильной конструкции комплекса. Прежде всего это касается тех из них, которые содержат в своем заполнении следы человеческого захоронения.

Прежде, чем приступить к рассмотрению глубин могильных ям. необходимо коснуться методики их определения. По мнению А.Д.Цыбиктарова, при подсчетах в плиточных могилах непосредственно к размерх углубления для умершего следует прибаапять примерно 10 см из-за проседания кладки (Цыбиктаров, 1998: 44). В работах с полевыми материалами Приольхонья факты проседания конструкции не отмечались, возможно, вследствие незначительной толщи рыхлых отложений. Следовательно, в расчет нужно принимать реазьно фиксируемую глубину могильной ямы. У шиточных могил пади Олзонтэй она составила 0.23-0.52 м. По всей видимости, такие параметры, как длина и ширина, непосредственно зависели от размеров погребаемого человека. По крайней мере, в пользу этого говорит то. что длина ямы незначительно превышает рост человека, ширина почти всегда чуть больше ширины плеч.

Ориентировка и положение погребенных

Одной из весомых черт погребально-поминального ритуала считается трупопомещение умерших. Сюда включается общее направление относительно сторон света и позиция, придаваемые телу индивидуума, в которые, как считается, вкладываюсь определенное сакрально-символическое содержание. Также рассматриваются отдельные моменты, выявить которые удается в ограниченном числе случаев. К ним относятся возможная зависимость ориентации умерших по отношению к особенностям рельефа и сакральные представления.

Из семи плиточных могилах пади Олзонтэй следы человеческих захоронений отмечены в шести, за исключением Олзонтэй I-1. Количество индивидуумов в остальных могилах составляет 8 погребенных. В двух плиточных могилах обнаружены двойные захоронения. Однако, в одном случае зафиксировано впускное захоронение (Олзонтэй VI-2), в другом сопогребение с ребенком младенческого возраста (Олзонтэй VIII-1). Учитывая, что двойные захоронения в предбайкальских плиточных могилах отмечены впервые и не обнаруживают следов традиционности подобного вида погребений, становится очевидным, что сооружение погребально-поминального комплекса для индивидуума является характерным для плиточных могил.

Степень сохранности захоронений позволила восстановить изначальное положение тела умершего у 6 погребенных. В одном случае, Олзонтэй VI-2, у нижнего, основного, захоронения оказались потревоженными кости левой руки и краниальная часть. т.е. костяк практически полностью сохранил анатомический порядок. У всех костяков фиксируется единообразное расположение, которое первоначально придавали телам умерших. Они укладывались на дне могильной ямы вытянуто, на спине. Положение рук прослеживается хуже, но, возможно, они укладывались вдоль туловища. Косвенно на подобное положение указывает расположение отдельных несмещенных костей рук в погребениях Олзонтэй VI-2,4. Краниатьная часть скелета сохранилась лишь в немногих погребениях. Черепа или отдельные части черепа были обнаружены в Олзонтэй VI-2 и Олзонтэй VII1-1. В некоторых плиточных могилах Забайкалья и Монголии под черепами погребенных или в том месте, где они должны находиться, обнаруживают т.н. "плиты-подушки" (Цыбиктаров, 1998). Ни в одной олзонтэйской могиле они не отмечены.

У всех основных захоронений пади Олзонтэй определена ориентировка умерших, за исключением младенца из комплекса Олзонтэй VII1-1. Направление погребенных верхней частью корпуса фиксируется довольно устойчивое - на ЮВВ. Надо отметить, что к настоящему времени из раскопанных в Предбайкалье свыше 45 плиточных могил данные относительно ориентировки погребенных опубликованы по 12 могилам (Хороших. Рыгдылон, Свинин. 1971; Горюнова, 1995; Дашибалов, 1995; Харинский. Свинин, Зайцев. 1995;Туркин, 1995;Туркин, 1996;Туркин. 1998). Лишь в трех могилах умершие направлены на восток, в остальных на ЮВ-ЮВВ. Таким образом, олзонтэйские погребения не обнаруживают отличий от основной группы могил. В плиточных могилах Забайкалья свыше 95 % умерших обращены головой в восточную сторону (Цыбиктаров, 1998: табл. 9). Вместе с тем, нельзя не отметить, что у забайкальских плиточных могил большинство умерших ориентированы головой строго на восток, для Предбайкалья скорее характерно направление на юго-восток. Возможно, это объясняется определенными установками погребального обряда древнего населения, которые, вероятно, регламентировали обращать погребаемых членов общества на точку восхода солнца. Для побережья Малого моря такая точка горизонта смещена несколько к югу из-за особенностей горного рельефа. Косвенно подобное предположение находит подтверждение в том. что ограды плиточных могил устраивались не параллельно или перпендикулярно склону горы, а зачастую как бы по диагонали к нему.

Сопроводительный инвентарь

При раскопках типичных могил в пади Олзонтэй было обнаружено 12 артефактов из кости и металла, а также несколько фрагментов керамических сосудов Рассмотрение предметного комплекса предполагает своей целью установление хронологических рамок бытования предмета и для части из них возможное территориальное происхождение. Приоритетным следует считать определение возраста сооружения комплекса. Вследствие невыразительности не проводится рассмотрение концевой накладки на луж, бляшки-пуговицы с насечками и пастовой бусины.

Наконечник стрелы, происходящий из захоронения Олзонтэй VI-2 (рис. 7 - 3), является незаконченным изделием либо возможным браком при отливке, вызванном нехваткой металла. Насад наконечника втульчатый. Видимо, он замышлялся как трехлопастной. Втулка выделена ободком, на одной из граней имеется отверстие, возможно, для укрепления наконечника на древке. В раннескифское время в евразийских степях получают широкое распространение втульчатые наконечники, двухперые в сечении, иногда с шипом. Трехлопастные являются достаточно редкими. например, на территории Горного Алтая наконечник с близкими характеристиками известен в единственном экземпляре (Кирюшин. Тишкин. 1997: рис. *59-11).* Близкие к горноалтайскому наконечники также известны в комплексах тагарской культуры (Членова. 1992). в Туве (Мандельштам. 1992), в Средней Азии и Казахстане (Итина. Яблонский. 1997; Маргулан, 1979). Однако они не полностью аналогичны олзонтэйскому - у них не выделена втулка. В совокупности они датируются VI1-III вв. до н.э., можно предположить, что наконечник из погребения Олзонтэй VI-2, вероятно. относится к этому же периоду.

Единственный *псалий.* точнее его фрагмент. обнаруженный в могиле Олзонтэй V1-2. вырезан из кости. Псалий. скорее всего, был трехдырчатым. т.к. крайнее отверстие прорезано близко к краю, что характерно для указанного типа изделия. Отверстия имеют подпрямоугольную форму и находятся в одной плоскости. По форме псалий слегка изогнут. Прямых аналогий рассматриваемому предмету конской сбруи не обнаружено. Однако у олзонтэйского артефакта сочетаются черты западных псалиев одноплоскостное расположение отверстий, уплощенная форма; и восточных - конфигурация отверстий. Последний признак приобретает значимость в свете того, что в

западных областях Сибири все отверстия в псалиях круглые. Установлено, что трехдырчатые псалии предшествуют двухдырчатым (Шульга. 1996). В соответствии с этим первые датируются раннескифским временем, которое мы считаем приемлемым для датировки рассматриваемого комплекса.

Удила в количестве двух экземпляров зафиксированы в одной плиточной могиле - Олзонтэй VI-4. Морфологически удила идентичны, за исключением формы окончаний - "стремян" (рис. 12-6, 7). Они состоят из двух неравных по линейным параметрам звеньев. Большие звенья приблизительно равны по длине 8,0-8,1 см, протяженность меньших различна 7,6 и 8,0 см. Удила изготовлены с помощью многоступенчатого литья в закрытой форме.

В погребениях археологических культур и этапов, относимых к первой половине I тыс. до н.э. удила из бронзы и железа встречаются как предметы, сопровождающие непосредственно животное. Удила находились в челюстях коней и в отдельных случаях -рядом с черепом коня. В могиле Олзонтэй VI-4 они обнаружены в разных краях раскопа, за пределами погребального сооружения, куда попали, вероятно, в результате нарушения целостности погребального комплекса в древности. На это указывает тот факт, что удила находились под плитами, первоначально составлявшими надмогильную конструкцию, на одном уровне с фрагментами костей и керамики.

Аналоги олзонтэйским удилам известны в составе сопроводительного инвентаря погребений скифо-сибирского круга. Для них характерна выделяющаяся симметричность стержней, образующих удила. Подобная черта отмечается у удил из бронзы и железа, происходящих с территории Средней Азии. Казахстана. Тувы, Алтая, Минусинской котловины, а также из причерноморских степей и Кавказа. Помимо этого. олзонтэйские удила обладают ярко выраженными колокольчиковидными окончаниями (тип 1 по классификации Ю.Ф.Кирюшина и АЛ.Тишкина, 1997). При этом они несколько отличаются выгнутостью поперечной планки окончания, которая, вероятно. является ничем иным, как последствием продолжительной утилизации предметов.

Рассмотрим период бытования стремевидных удил на всей протяженности евразийских степей. А.А.Иессен предполагал синхронность бытования сибирской и восточноевропейской групп стремячковидных удил (Иессен, 1954). Надо отметить, что в европейской части континента подобные удила встречаются и в лесной полосе. Примером могут служить материалы Старшего Ахмыловского могильника в верхнем Приволжье, датированного кон. VIII - кон. VI вв. до н.э. (Патрушев, Халиков, 1982). Здесь непосредственно в погребениях обнаружено 10 удил, в том числе 3 стремевидных, причем двое отмечены в одном захоронении (№ 383). Очевидно, незначительное количество удил на более чем 1100 могил объясняется не только нормами погребальных обрядов, возможно, лимитировавших численность случаев с использованием удил в качестве сопроводительного инвентаря. Более вероятной трактовкой также может являться ограниченное число удил вообще, характерное, по всей видимости, для лесотаежной зоны.

Интересующие нас азиатские удила на территории Казахстана датируются VII-VI вв. до н.э. (Боковенко. Заднепровский, 1992; Вишневская, 1992); аналогичным временем в Приаралье (Яблонский. 1996; Итина, Яблонский, 1997). В Алтайском регионе их появление уверенно относится исследователями к VIII в. до н.э.. а исчезновение из состава сопроводительного инвентаря захоронений к V1-V вв. до н.э. (Марсадолов. 1985: Боковенко, 1986 и др.). В Туве стремевидные удила характерны для уздечного набора алды-бельской культуры VII-VI вв. до н.э. (Грязное, 1978, 1983; Грач. 1980; Мандельштам, 1992). В комплексах татарской культуры известно незначительное количество удил со стремевидными окончаниями и их бытование "по скифским, сарматским и другим аналогиям*' определяется VI1-VI вв. до н.э. (Членова. 1992. с.215).

Таким образом, относительно хронологических рамок употребления бронзовых удил со стремевидными окончаниями в научных исследованиях устоялось мнение, что они преимущественно характерны для раннескифского времени. К V-IV вв. до н.э. их включение в состав погребального инвентаря выглядит архаичным, инерционным элементом, т.к. они сопутствуют предметам органичного конского снаряжения, а не входят в их число. Находки в захоронениях этого времени таких удил единичны (Могильников, 1997). Постепенно они сменяются кольчатыми чдилами. доминирование которых быстро возрастает.

Бляшка в зверином стиле представляет особый интерес. Бляшка из плиточной могилы Олзонтэй VI-2 представляет собой полулунную по форме, рельефную благодаря художественной отливке, бронзовую пластину (рис. 7-2). Она отлита в закрытой двусторонней форме. Ее линейные размеры 2,8 х 2,0 см при толщине изделия 3,5 мм. С обратной стороны к пластине приплавлена петелька для пришивания. Размеры отверстия для крепления 0,7 х 0,4 см. В целом, бляшка имеет следы продолжительной утилизации, проявившейся, прежде всего, в незначительном смешении крайних голов, а также интенсивной всесторонней затертости предмета.

Композиция на пластине представляет собой шесть стилизованных голов животных, попарно соединенных подобием шей, которые обозначены идущими параллельно тремя бортиками. Поверхность бортиков покрыта насечками, особенно заметными на меньших по длине бортиках. Головы симметрично обращены в одну сторону. Детализация отсутствует, показаны лишь окончания морд и глаза. Последние выделены с помощью >тлублений. Прямых аналогий олзонтэйской бляшке не обнаружено.

Изделие, которое в археологической литературе получило название *подвеска* (Andersson, 1933: Бердникова, Ветров, Лыхин, 1991), представляет собой

объемный S-образный предмет (рис. 12-7). На наш взгляд, правомерно определить его как крюк-подвеску. Изготовленный из бронзы крюк-подвеска отливался в закрытой двусторонней форме, причем художественное изображение на обеих сторонах симметрично. Его линейные размеры -12,1 х 5,1 см при максимальной толщине 0,9 см. Основой подвески является сильно изогнутый бронзовый стержень, оба конца которого увенчаны головами животных. Головы разного размера и направлены в противоположные друг другу стороны. Они заканчиваются шеей, роль которой выполняет основание крюка-подвески. Глаза животных представлены сквозными отверстиями. Обе головы показаны в единой манере - конец морды, глаза и уши выстроены в одну линию. Животные, скорее всего, травоядные, т.к. имеют изогнутые морды и крупные уши. Определить вид животных затруднительно, тем более, что меньшее из них выполнено в стилизованной манере. Большая голова имеет черты как лося, так и лошади. В пользу лося говорит вытянутая, слабоизогнутая морда зверя. Об образе лошади свидетельствуют пропорциональность облика, отсутствие явно выраженного рельефа (характерного для лосиной морды) и рогов, подчеркнутая форма нижней челюсти, а также позиция ушей - их оттянутость по отношению ко всей голове. К низу от изгиба крюка-подвески обозначено дополнительное украшение или конструктивная деталь в виде обращенных в противоположные стороны двух чрезвычайно стилизованных голов грифонов и соединяющей их цилиндрообразной фигуры. Глаза грифонов показаны сквозными отверстиями, такое же отверстие имеется и в геометрической фигуре.

Результаты работы как с изданными материалами, так и с не введенными в научный оборот источниками, показали, что предметы, по форме напоминающие декорированный изогнутый крюк, известны в количестве шести экземпляров - два из них происходят с территории Байкальской Сибири. Это подвеска из Корсуковского клада (Бсрдн и кова. Ветров, Лыхин, 1991; Зуев, Исмаилов, 1995) и недавно обнаруженный В.С.Николаевым крюк из долины р.Унга[1]. Остальные четыре были опубликованы в 30-е годы прошлого века и, вероятно, были найдены на прилегающих к Ордосу территориях (Andersson, 1933; Членова, 2001). Географически все обнаруженные к настоящему времени крюки тяготеют к восточным окраинам евразийских степей, что вряд ли может быть случайным. По своим линейным размерам артефакты близки друг другу, что позволяет предположить общность их происхождения.

Все крюки-подвески несут на себе следы прямого влияния скифо-сибирского искусства, выражающегося в представительности и разнообразии анималистических композиций, выполненных, впрочем, в рамках широко распространенных канонов, формирующих т.н. "скифо-сибирский звериный стиль". Поиск подобий олзонтэйским художественным мотивам не дает прямых аналогий. Однако, в среднеазиатском могильнике Южный Тагискен. в кургане № 55, отмечены две бляшки в виде голов животных. практически полностью соответствующие манерой исполнения олзонтэйским (Итина, Яблонский, 1997; рис. *47-13,15).* Сходство еще больше подчеркивается выступающим бугорком между ушами зверя и его мордой (рис. 41-7). Время сооружения кургана отнесено исследователями к V11-V вв. до н.э. Вместе с тем, на прибайкальском крюке-подвеске изображению животного приданы более четко выраженные черты таежного обитателя - лося. 11оэтому налицо сочетание в облике животного как степных - лошадиных черт, так и таежных - лосиных.

Заканчивая обзор находок в скифо-сибирском стиле на территории Предбайкалья, нельзя обойти рассмотрением вопрос о месте и роли региона в формировании и сложении некоторых образов этого искусства. Перечень данных предметов не исчерпывается артефактами из плиточных могил. Подобные веши происходят также из нескольких кладов. наиболее обстоятельно проанализированным из которых может по праву считаться Корсуковский, обнаруженный возле дер. Корсуково Качутского района Иркутской области (Бердникова. Ветров, Лыхин. 1991). Здесь уместно будет отметить недавнюю перепубликацию материалов клада с весьма своеобразной интерпретацией Н.Л.Членовой (Членова. 2001). Основываясь на ошибочном местоположении реки Жуя и перенося ее из верхнего Приленья более чем на 900 км северо-восточнее, автор развивает гипотезу об источнике и путях снабжения населения Прибайкалья. оставившего после себя плиточные могилы, золотом из приустьевой части Витима. В этой связи клад интерпретируется как импорт из южных степных районов, а представленные в нем предметы как предназначенные для обмена на драгоценный металл. Однако вследствие значительной даже по меркам обширных пространств Сибири географической ошибки предлагаемую схему следует признать несостоятельной.

Блестяще проведенный технико-стилистический анализ другой случайной находки, хранящейся в Нижнеудинском музее, позволил автору предположить непосредственное участие прибайкальского населения в сложении изобразительных канонов раннескифского искусства (Варламов, 1995). Возможно, в пользу подобного предположения свидетельствуют и образы некоторых животных на предметах Корсуковского клала. в частности лося. Характерный внешний вид этого травоядного нашел, по всей видимости, свое отражение и на крюке-подвеске из плиточной могилы Олзонтэй VI-4. Очевидно, вопрос о появлении отдельных изобразительных мотивов скифо-сибирского искусства восточных областей требует дальнейшей доработки с учетом новых поступающих материалов. Вместе с тем нельзя не отметить, что находки, имеющие неоспо-

[1] Пользуясь случаем, выражаю В.С.Николаеву признательность за возможность ознакомления с находкой.

римые следы скифо-сибирского звериного стиля. обнаружены среди погребально-поминальных комплексов лишь в плиточных могилах.

Орнаментированная бляшка **из могилы Олзонтэй** VI-4 округлой формы, выпуклая, ее диаметр составляет 5,3 см (рис. 12-2). Лицевая сторона имеет орнамент в виде разделенной на восемь частей полусферы. Четыре из них рассечены параллельными краю бляшки бороздами. Остальные четыре сектора неорнамен-тированы.

Прямые аналогии рассматриваемому предмету отсутствуют, однако с территории сопредельных регионов известны орнаментированные бляшки. В погребальных комплексах лесостепной тагарской культуры в составе сопроводительного инвентаря отмечены бляшки, лицевая сторона которых покрыта декором в виде концентрических кругов или овальных углублений в форме зерен (Мартынов. 1972,1973,1975, 1979; Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971; Мартынов, Алексеев, 1986). Все они датированы II-I вв. до н.э. Более близким, по сравнению с происходящими с территории севера Минусинской котловины, аналогом может считаться бляшка найденная в Верхнем Приобье, в составе наборного пояса, в погребении мужчины могильника Новый Шарап-1, курган 19. Силыювыпуклая по форме, она имеет близкие размеры (диаметр около 4 см). Бляшка украшена с лицевой стороны спиралевидной лентой, разделенной на сегменты короткими бороздками (Троицкая. Бородовский. 1994: табл. XIX-6*; Могильников, 1997). Сходство с олзонтэйской не ограничивается лишь морфологической близостью, но и местонахождением бляшки в районе пояса. Поэтому не исключено, что в захоронении мужчины на объекте Олзонтэй VI зафиксирована деталь наборного пояса. В датировке бляшки исследователи несколько расходятся во мнениях. Первые относят ее к рубежу VI-V вв. - IV вв. до н.э., В. А.Могильников предлагает ограничиться рамками V-III столетий до н.э.

Зеркало. Единственное бронзовое зеркало из комплекса Олзонтэй 1-1 представляет собой литой диск-диаметром 6,3-6.4 см и толщиной 0.2-0,22 см со слегка выпуклой лицевой стороной (рис. 4-5). В центре оборотной стороны имеется приплавленная ручка-петелька полукруглой формы. Отверстие в ручке округлое, со следами длительной утилизации - один внутренний край сильно зашлифован перетиранием. На лицевой стороне окислы меди сохранили остатки шкуры или ткани, в которой первоначально находилось зеркало. В петельке зеркала была обнаружена деревянная труха - возможно, остатки деревянной ручки.

Обращаясь к попытке датировки зеркала из комплекса Олзонтэй 1-1 необходимо учитывать некоторые специфические аспекты определения времени употребления этого предмета населением и, как следствие, его использование в качестве вотивного подношения. Во-первых, исследователь обязан учитывать, что основы датирования по сравнительно-типологическому методу ввиду отсутствия альтернативных источников информации, например нарративных, не позволяют установить точные хронологические рамки бытования артефакта. Во-вторых. база данных, на которую опирается исследователь, в свою очередь, также основывается на датировании сравнительно-типологическим методом. т.е. изначально может оказаться неверным. Как правило, такая ситуация является следствием широких хронопространственных аналоговых заимствований. В-третьих. функциональное назначение предмета могло быть различным в пределах разных географических районов, социальных и этнических групп и т.д. Уверенность в правильности обоснования датировки предмета, а затем и комплекса подкрепляется объемом фактического фондового материала. Количественный и ситуационный показатели при этом играют определяющую роль.

В нашем случае бронзовые зеркала по ряду морфолоп1ческих признаков (диаметр, незначительная вогнутость, форма и способ крепления центральной ручки-петельки) были распространены на достаточно обш ирной территории - от Китая на востоке до степного Причерноморья на западе. По совокупности в каждой области предположительно определены близкие временные границы их использования - X1-Ш вв. до н.э. Зеркала с центральной ручкой-петелькой, по сложившемуся в археологической среле мнению. подкрепленному химико-металлургическим анализом (К\ зисцова, 1980). имеют восточное происхождение. В качестве места их первоначального появления указываются восток Сибири (Смирнов, 1964): Средняя Азия (Членова. 1967; Вишневская. 1973), поэтому датировка китайских аналогов имеет решающее значение. Древнейшие зеркала с центратьной петелькой с обратной стороны датируются эпохой Инь (XIII-XI вв. до н.э.). характерной чертой их, наряду с диаметром (12,5-6,5 см с тяготением к большему размеру), является геометрическая орнаментация обратной стороны (Варенов, 1985). Наиболее ранние, практически идентичные олзонтэйскому, зеркала зафиксированы в ранний период Западного Чжоу. в районе Ваоцзи и в Синьчжуанхэ (Комиссаров. 1985). Их диаметр 6.5-7,22 см, что, наряду с центральной ручкой-петелькой и небольшой выпуклостью лицевой стороны, значительно сближает их с олзонтэйским образцом. Период Западного Чжоу определен между 1027 и 770 гг. до н.э. Очевидно, что. несмотря на разительное сходство, к подобной датировке зеркала из плиточной могилы следует относиться осторожно.

Попытаемся рассмотреть ситуацию с аналогичными олзотэйскому зеркалами в соседних хорошо изученных археологически регионах - Западной Сибири и Минусинской котловине. На территории Западной Сибири, прежде всего Алтая, зеркала с центральной петелькой появляются не раньше VIII в. до н.э. (Тишкин. 1996; Кунгуров, 1999). Зеркала, в достаточно достоверной степени схожие с олзонтэйским, на территории Горного Алтая представлены 3 экземпля-

рами (Кирюшин, Тишкин, 1997). Диаметр зеркал варьирует от 6,5 до 11 см, толщина около 3 мм; начало их употребления отнесено к VIII в. до н.э. Однако для нас интересно, что к V-IV вв. до н.э. отмечается тенденция уменьшения диаметра и толщины зеркал (Членова, 1992, с. 216). После IV в. до н.э. они встречаются очень редко (Фролов, Шамшин, 1999; Ширин, 1999). На территории северной Барабы хронологические рамки бытования однотипных зеркал предложено ограничить V-IV вв. до н.э. (Полосьмак, 1985). На территории Тувы однотипные олзонтэйскому зеркала отмечены в составе погребального инвентаря в захоронениях алды-бельского типа, которые датируются VII-V вв. до н.э. (Семенов, 1993).

Наиболее представительная статистическая выборка по зеркалам имеется из погребальных комплексов Минусинской котловины. Здесь восточные зеркала зафиксированы в погребениях карасукского времени, причем на относимые к ранним (XI-X вв. до н.э.). количеством свыше 2000 захоронений, приходится 8 зеркал, в то время как на три сотни поздних (1X-V1II вв. до н.э.) отмечено 13 штук (Вадецкая, 1986). Таким образом, можно смело говорить о том, что в карасукской культуре употребление зеркал с центральной петелькой не имело широкого распространения. Подобное утверждение косвенно подтверждается тем, что в более позднее тагарское время использование зеркал в составе сопроводительного инвентаря в захоронениях многократно увеличивается.

Непосредственно в плиточных могилах на территории Забайкалья зафиксировано два экземпляра зеркал, схожих с олзонтэйским. Они происходят из погребения 15 местонахождения Александровка и могилы 1 памятника Шаманский камень (Цыбиктаров, 1998, рис. 50-1,2). Хронологически они отнесены к карасукскому времени. Датировка зеркал всем промежутком карасукского времени представляется не совсем верной. Так как ранние китайские образцы зеркал относятся к рубежу 11—I тыс. до н.э., то их аналоги в плиточных могилах наверняка моложе прототипов. Вероятной нижней датой появления зеркал с петелькой на территории Забайкалья можно считать IX-VIII вв. до н.э. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что оба зеркала являются единственными датирующими предметами в указанных захоронениях.

На территории лесостепного Предбайкалья также известны находки аналогичных зеркал. Два экземпляра происходят из Отонконского клада (Окладников, 19556; Гришин, 1985), два - из разрушенных погребений на побережье Северного Байкала (Шмыгун, Сергеева, Лыхин, 1981). В первом случае комплекс находок датирован V-IV вв. до н.э., а во втором - второй половиной I тыс. до н.э. По нашему мнению, зеркало из комплекса Олзонтэй 1-1, исходя из сравнительно-типологических сопоставлений, целесообразно датировать в рамках VII-IV вв. до н.э.

Объяснение столь продолжительному периоду бытования зеркал у народов Байкальской Сибири может заключаться в функциональном предназначении этого вида предметов. В сарматских погребениях довольно часто зеркала обнаруживаются фрагмен-тированными, что, по мнению исследователей, говорит об их религиозно-магическом значении (Хазанов, 1964). В других случаях зеркала фиксируются у пояса погребенных женщин, при этом сами зеркала были помещены в футляр или сумку. Например, в кургане 26 могильника Тыткескень-VI футляр был сшит из "хорошо выделанной шкурки пушного зверя мехом вовнутрь" (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 89), в котором некогда, возможно, находился и олзонтэйский образец.

Особое значение при рассмотрении особенностей обряда приобретают следы использования огня на разных стадиях его осуществления. У погребения Олзонтэй VIII-1 отмечена зольная прослойка, указывающая на значительные размеры разводившегося костра. У других плиточных могил фиксируются отдельные скопления угольков. Иногда они отмечаются непосредственно поверх плит перекрытия, например, у могилы Олзонтэй XVI-1. Следы обрядовых действий с огнем могут быть представлены отдельно разводившимися кострами, выраженными изолированными зольными пятнами. Они фиксируются по-разному: либо в основании стенок оградки, либо с ее внешней стороны. Первое местонахождение кострищ наблюдалось у погребения Олзонтэй V1-2. Случаи со вторым расположением зольников отмечены у комплексов Олзонтэй 1-1. Олзонтэй VI-4. Таким образом, применение огня при сооружении плиточных могил представлено различными по объему и местонахождению проявлениями, не позволяющими на данном этапе интерпретации составить целостную картину роли огня в погребально-поминальном обряде. По мнению Ю.С.Гришина, огонь играл очень важную роль в погребальном процессе - ему приписывалась очистительная сита (Гришин, 1973). С ним полностью солидарен и А.Д.Цыбиктаров (1998). Однако нельзя исключать вероятности того, что огонь использовался в отдельных случаях и в практических целях - при устройстве комплекса в зимнее время землю необходимо было отогревать.

Практически для всех олзонтэйских плиточных могил характерно отсутствие в могильной яме рядом с останками погребенных сосудов и костей животных. Исключением является комплекс Олзонтэй VI-4, где в заполнении могильной ямы зафиксированы остатки ихтиофауны. Очевидно, у строителей плиточных могил не было обычая помещать рядом с умершими пищу и посуду. Фаунистические остатки обнаружены в 5 комплексах. Во всех случаях отмечен различный видовой состав домашних животных. Наиболее часто встречаются костные останки лошади и МРС, кости КРС отмечены лишь в могиле Олзонтэй VI-4. Расположение фаунистических остатков в комплексах различно. В двух случаях (Олзонтэй VI-1, 2) зафиксировано расположение черепов домашних животных, лошади и барана, в специально приготовленной яме под кладкой.

непосредственно примыкавшей к восточной торцевой стенке оградки. В остальных могилах кости находились как внутри офадки, поверх перекрытия, так и за ее пределами. Помещение черепов домашних животных в отдельную яму уже было отмечено при раскопках пофебения Хужир IV-1 на о.Ольхон (Бердникова. Яковлева, Горюнова, 1989). Здесь, как и у комплексов Олзонтэй VI-1, 2, к юго-востоку от основного захоронения, в специально выдолбленной яме были зафиксированы три черепа домашних животных -лошади, козленка и барана - и по одному их копыту. По своим конструктивным особенностям пофебение Хужир IV-1 обнаруживает сходство с захоронением памятника Бугухей П, которое отнесено к бутухейской группе погребений раннего железного века Предбайкалья. При изучении плиточных могил Забайкалья и Монголии было замечено, что остатки животных представлены определенными частями туш (Цыбиктаров, 1998: 49). Ситуация с плиточными могилами Предбайкалья аналогична. Анатомически домашние животные представлены черепами и костями конечностей, гораздо реже позвонками и ребрами. При этом нахождение черепа животного в могиле может по аналогии расцениваться как "'выражение особого отношения к умершему со стороны сородичей" (Цыбиктаров, 1998:50). Однако помещение нескольких черепов домашних животных в специальную яму, как в погребениях Олзонтэй VI-1,2, возможно, должно было символизировать стадо, сопровождавшее пофебенного в загробный мир и обязанное служить ему там (Диков. 1958: 58, 62). Сходной точки зрения придерживаются читинские исследователи, также зафиксировавшие помещение черепов животных в специальное углубление в пофебении 5 могильника Жигуржинка. Ими предложено трактовать преднамеренное захоронение черепов домашних животных как жертвоприношение по принципу «часть заменяет целое» (Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000:52). Другие части туши, вероятно, являются частью дошедших до нас физн ити последующих поминаний погребенных. Таким образом, можно предположить, что различия в количестве особей и их видовом составе. просфанственном расположении остеологического материала в плиточной могиле отражают, с одной стороны, менявшиеся представления, регулирующие включение животных в погребально-поминальный обряд, а с другой, возможно, социальную значимость пофебаемот индивидуума.

Общая характеристика погребально-поминальной обрядности

Под погребальным обрядом подразумевается комплекс действий религиозно-ритуального характера, проводимых с телом покойника до его пофебения и строительства надмогильной консфукции. В настоящее время возможна лишь попытка реконструкции заключительной стадии погребального обряда -собственно процесса фупопомешения и связанных с ним некоторых ритуальных действий. Предлагаемая схема последовательности предпринимаемых действий при строительстве плиточных могил Олзонтэй VI-1,2,4 и Олзонтэй VIII-1 заключается в следующем:

•После определения места погребения, проводились соответствующие приготовления. Возможно, отофевалась почва или проводилось очищение огнем местности. В процессе подготовки, по всей вероятности, около выбранного места концентрировался строительный материал. Примером этого может служить кладка явно искусственного происхождения Олзонтэй VI-3, в районе которой не обнаружено никаких следов ям или находок.

•С помощью котлована выравнивалась поверхность земли, выбранная для сооружения комплекса. Котлован имел близкую к прямоугольной форму, ориентирован он, как правило, длинными стенками по линии северо-запад - юго-восток.

■ В центральной части котлована выкапывалась могильная яма, отмечаемая практически во всех плиточных могилах. Ориентация ямы по линии В-3 с небольшими отклонениями.

•Погребенного укладывали в яму в положении вытянуто на спине, придавая верхней части корпуса направление на восток - юго-восток.

•Яма засыпалась землей до нижнего уровня котлована, т.к. плиты перекрытия, где удается это отметить, расположены непосредственно над ямой.

•Поверх могильной ямы укладывались плиты перекрытия в 1-2 слоя, образуя вымостку прямо-угольной формы.

•Устанавливались плиты стенок офадки. Они при необходимости опирались на плиты перекрытия. У трех могил, кроме Олзонтэй V111-1, по углам офадки, с внешней стороны, помещались высокие плиты.

•В отдельных случаях (Олзонтэй VI-1, 2) после сооружения погребального комплекса с внешней стороны юго-восточной стенки офадки сооружалась отдельная яма. на дно которой помещались головы лошадей и баранов и по одному их копыту. Сверху яма перекрывалась в два-фи слоя плитами.

•Плиты стенок закреплялись в вертикальном положении при помощи крепиды с внешней и внутренней стороны. В последнем случае крепила размещалась поверх плит перекрытия.

•Возможно, ценфальная часть офадки в некоторых случаях засыпалась камнями и фунтом.

Для плиточ ных могил Олзонтэй VI-5 и Олзонтэй XVI-1 характерна несколько иная последовательность:

•Выкапывалась могильная яма.

•Вокруг ямы прокладывалась фаншея. у комплекса Олзонтэй XVI-1 она начиналась от одной из стенок могитьной ямы.

•Пофебенного укладывали в яму в положении вытянуто на спине, придавая верхней части корпуса направление на восток - юго-восток.

• Яма засыпалась до уровня поверхности земли.

• Над могильной ямой сооружалось одно-двухслойное перекрытие из плит.

• Сооружались стенки офадки. Образующие их

плиты и блоки устанавливались в траншею без использования крепиды.

В некоторых случаях около плиточных могил сооружались дополнительные сооружения, вероятно, использовавшиеся в поминальных действиях, например. комплекс Олзонтэй 1-2.

Особую значимость научному изучению плиточных могил в пади Олзонтэй придает привлечение методики радиоуглеродного датирования в условиях полностью раскопанных плиточных могильников. За последние десятилетия доверие к результатам датирования радиоуглеродным методом в археологической среде значительно возросло. Это видно из увеличивающегося в геометрической прогрессии списка приводимых дат в научных публикациях. Проблема доверительного отношения к датировкам, основанным на применении радиоуглеродных данных, положительно разрешается постоянным совершенствованием метода датирования, что часто позволяет кардинальным образом пересмотреть сложившиеся представления о хронологических периодах (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Это свидетельствует о надежности всей колонки полученных результатов. Настоящее утверждение становится особенно актуальным в свете попыток некоторых археологов представить целые серии радиокарбоновыгх дат "удревненными" без веских на то оснований. Одним из примеров подобного отношения к результатам естественнонаучных методов исследования является последняя работа О.И.Горю-новой по погребениям бронзового века Прибайкалья (Горюнова,2002).

Практически по всем могилам пади Олзонтэй получены абсолютные даты (табл.1). В результате привлечения данных абсолютного датирования можно сделать несколько выводов. Конструктивные принципы сооружения комплексов Олзонтэй VI-1, 2, с одной стороны, и могил Олзонтэй V1-5, Олзонтэй XVI-1, с другой, находят подтверждение и в близости времени сооружения, судя по результатам радиокарбонового датирования. В первую очередь это свидетельствует о достоверности дат. Дополнительно этот вывод подтверждается отдельными чертами погребальной обрядности. Помещение черепов домашних животных в комплексах Олзонтэй VI-1, 2 и Хужир IV-1, судя по абсолютной дате последнего 2460± 100 л.н. (ГИН-7640) с учетом калибровки, относится примерно к одному времени - VII-V вв. до н.э. Другим важным итогом применения радиокарбонового датирования является возможность уточнения хронологических рамок бытования предметов или их использования в качестве сопроводительного инвентаря. Например, вполне возможно, что олзонтэйский крюк-подвеска (Олзонтэй VI-4) датируется более поздним временем, нежели тагискенские бляшки, имеющие сходные черты в звериных образах, на что указывает имеющаяся радиоуглеродная дата - 2230±50 л.н. (СОАН-4322). Найденные в этом же комплексе архаичные стремевидные удила из бронзы указывают на их использование в то время, когда на основной территории евразийских степей они уже вышли из практического употребления. Хотя нельзя исключать вероятности того, что в составе погребального инвентаря им придавалось не практическое, а скорее символическое значение. Они обнаружены в двух экземплярах, что нехарактерно для погребений I тыс. до н.э. в азиатских степях, как показали итоги работы с источниками.

Заключение

Раскопки и полевые наблюдения в пади Олзонтэй позволили существенно дополнить характеристики надмогильных конструкций плиточных могил

Табл. 1. Радиоуглеродные даты по плиточным могилам пади Олзонтэй

Плиточная могила	Абсанотная дата	Шифр	Характерисгика образца
Олзонтэй VI-1	2520+50	СОАН^210	Кость человека
Олзонтэй VI-2 (нижний костяк)	2575+115	СОАН-4321	Кость человека
Олзонтэй VI-4	2230+50	СОАН-4322	Кость человека
Олзонтэй VI-5	2440+100	СОАН^590	Кость человека
Олзонтэй VIII-1	2280+65	СОАН-4591	Кость человека
Олзонтэй XVI-1	2420+60	СОАН-4592	Кость человека

хужирской группы и выделить еще одну группу -хоторукскую. В итоге на территории Предбайкалья к настоящему времени установлено существование четырех различных традиций оформления надмогильной конструкции плиточной могилы. Современное состояние изученности объектов I тыс. до н.э. не позволяет определить причину типовых различий плиточных могил Предбайкалья. Возможно, наиболее реальными и заслуживающими дальнейшей разработки являются три из них: хронологическая, этнокультурная и социальная. Первая заключается в возможной модификации надмогильного сооружения с течением времени. Вторая состоит в возможной разнице происхождения населения, сооружавшего разные по типу могилы. Традиция сооружения плиточных могил не находит прототипов среди захоронений Предбайкалья более раннего времени. Поэтому совершенно очевиден пришлый характер населения, оставившего эти сооружения. С этим утверждением согласны все исследователи, изучавшие плиточные могилы Предбайкалья. Между тем конструктивные особенности предбайкальских могил обязывают объяснить их своеобразие, исходя не только из хронологических показателей. Во-первых, в Забайкалье и Монголии, основной территории распространения плиточных могил, фиксируются в основном конструкции, аналогичные тырганской и хоторукской группам. Плиточные могилы, у которых оградка помешена в ров-траншею, не выделяются в отдельную группу. Аналоги хужир-нугойской конструкции не отмечены вовсе. Из этого следует, что население, строившее плиточные могилы, сходные по конструкции с тырганской и хоторукской группами, являлось пришлым. Эти группы погребений сооружались на протяжении всего периода существования культуры плиточных могил в Предбайкалье. Их появление фиксируется в разное время, поэтому можно согласится с мнением Ю.С.Гришина о возможной постоянной инфильтрации отдельных групп "плиточников" из Забайкалья (Гришин, 1995). Еще одним немаловажным аспектом. свидетельствующим в пользу этого, является керамика. С конца II тысячелетия до н.э. в Предбайкалье появляются керамические сосуды, орнаментированные сочетанием оттисков шнура и налепных валиков. Наличие подобной керамики в плиточных могилах, относимых к тырганской группе, свидетельствует, на наш взгляд, об их принадлежности пришлому населению. Для могил хужирской и хужир-нугойской групп характерны местные орнаментальные мотивы в виде вдавлений прямоугольного штампа и отступающей лопаточки, что позволяет судить об их принадлежности аборигенному населению (Туркин. 2003). К тому же нельзя не отметить то, что керамика в могилах двух названных групп встречается гораздо реже. Это может косвенно свидетельствовать о нетрадиционности ее включения в состав сопроводительного инвентаря. Третья причина подразумевает возможное социальное неравенство, отразившееся на погребально-поминальной обрядности населения. На материалах забайкальских захоронений выделена отдельная категория сопроводительного инвентаря, обозначенная как "предметы престижности" (Цыбиктаров, 1998: 79). В нее включены находки, отличающиеся явно одноразовым изготовлением, не имеющие прямых аналогий. Прежде всего, это изделия из металла -наборные пояса, поясные пластины, поддон котла, П-образный предмет, ножи и кинжалы, а также различные украшения. Предполагается видная роль погребенных, с которыми встречаются соответствующие указанной характеристике вещи. В этой связи нельзя не отметить насыщенное инвентарем, но полностью разрушенное погребение Олзонтэй VI-4. В нем были обнаружены лишь кости ног погребенного и пять бронзовых предметов. Если это захоронение разрушено с целью осквернения, то и в других случаях, связанных с разграблением плиточных могил, можно говорить об их осквернении, а не об ограблении. Во всяком случае, можно констатировать незаурядный статус погребенного в захоронении Олзонтэй VI-4 мужчины. В сложившейся ситуации решение проблемы разных типов плиточных могил Предбайкалья может быть осуществлено методами естественных наук -антропологическими и генными исследованиями, все еще имеющими препятствия. Первый из них для достоверности исследования требует наличия достаточно представительной краниологической серии. Степень сохранности большинства погребений такой возможности не представляет в связи с отсутствием черепов погребенных. Генетические исследования также не всегда возможно провести из-за неудовлетворительной степени сохранности остеологического материала.

Литература

Агапитов **Н.Н., 1881** Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала, городища Иркутской губернии //Изв./ ВСОРГО. -1881. -Т. ХИ,№4-5. -С. 1-23.

Асеев И.В., **1980** Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). - Новосибирск: Наука, 1980. -152 с.

Бердникова В.И., Ветров В.М., Лыхин Ю.П., 1991 Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе верхней Лены-СА.-1991. -№ 2. -С. 196-205.

Бердникова В.И., Яковлева В.В.. Горюнова О.И., 1989 Жертвенные комплексы Приольхонъя (V1-XIX вв.) *II* Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. - Новосибирск: Наука, 1989. - С. 71-78.

Боковенко Н.А., **1986** Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. лис.... канд. ист. наук. -Л., 1986.-24 с.

Боковенко Н.А$_{М}$ Заднепровский Ю.А., 1992 Ранние кочевники Восточного Казахстана *II* Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992. - С. 140-148. - (Археология СССР).

Боровка Г.И., 1927 Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. - Л.: Изд-во АН СССР, 1927. - Вып. II. - С. 43-88.

Бадейка я Э.Б., 1986 Археологические памятники в степях Среднего Енисея. - Л.: Наука, 1986. -180 с.

Варенов А.В., 1985 Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. - Новосибирск: Наука, 1985. -С. 163-104.

Варламов О.Б., 1995 Бронзовый топор из Прибайкалья и некоторые вопросы сложения изобразительных канонов раннескифского искусства // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995.-С. 144-153.

Вишневская О.А., 1973 Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М: Наука, 1973. -160с.

Вишневская, 1992 Центральный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992.- С. 130-140. -(Археология СССР).

Горюнова О.И., 1993 Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: Тез. и мат-лы науч. конф. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. - С. 76-80.

Горюнова О.И., 1995 Работы Восточно-Прибайкальского отряда в Приольхонье (озеро Байкал) *II* Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. - Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1995.-С. 193-195.

Горюнова О.И., 2002 Древние могильники Прибайкалья (неолит-бронзовый век). - Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. Ун-та, 2002. - 84 с.

Горюнова О.И., Свинин В.В., 1996 Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. - Иркутск: Изд-во Арком, 1996. - Ч. 2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан.-213 с.

Грач А.Д., 1980 Древние кочевники в центре Азии. -М.: Наука, 1980.-255 с.

Гришин Ю.С., 1973 О культуре огня у ранних кочевников Забайкалья 7 Вопросы краеведения Забайкалья. - Чита: Изд-во ЗабГПИ, 1973. - Вып. 2. - С. 59-61.

Гришин Ю.С., 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. -М.: Наука, 1981.-202 с.

Гришин Ю.С., 1985 К вопросу о времени появления железа и местной его добыче на Верхней Лене (Прибайкалье) - СА. -1985. - № 3. - С. 260-262.

Гришин Ю.С., 1995 Некоторые вопросы о памятниках культуры плиточных могил в Предбайкалье и на Байкале // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. -Улан-УдэЛ995.-С.62-64.

Грязное М.П., 1978 К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан//КСИА. - 1978. - № 154. - С. 9-18.

Грязное M.IL, 1983 Начальная фаза развития скифо-сибирских культур *II* Археология Южной Сибири. ~ Кемерово: Изд-во Кем ГУ, 1983. - С. 3-13.

Да шибал ов Б.Б., 1995 Плиточные могилы острова Ольхон // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. - С. 79-83.

Диков Н.Н., 1958 Бронзовый век Забайкалья. - Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1958. - 138 с.

Зайцев М.А., 1977 Некоторые вопросы изучения плиточных могил *U* Научно-теоретическая конференция, секция археологии: Тез. докл. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1977. - С. 42-45.

Зайцев М. А^ Свинин В.В., 1978 Могильник раннего железного века Хужир II (о-в Ольхон на Байкале) Археология и этнография Восточной Сибири. -Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. - С. 39-41.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б., 1995Корсуковский клад *II* Южная Сибирь в древности. - СПб: Изд-во Фарн, 1995. -С. 62-70.

Иессен А.А., 1954 К вопросу о памятниках VIII-VI вв. до н.э. на юге Европейской части СССР - СА. - 1954. -Т. 18.-С. 43-52.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997 Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагис-кен). - М.: "Росс, полит, энциклопедия" (РОССПЭН), 1997.-187 с.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000 Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. -Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000.-176 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997 Скифская эпоха Горного Алтая. - Барнаул: Изд-во АТУ, 1997. - Ч. I. Культура населения в раннескифское время. - 232 с.

Комиссаров С.А., 1985 Археология Западного Чжоу - 1027-770 гг. до н.э. (по материалам исследований 70-х гг.) // Древние культуры Китая: палеолит, неолит и эпоха металла. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 86-111.

Коновалов П.Б., Свинин В.В., Зайцев М.А., 1983 Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения цти-точных могил Прибайкалья. // По следам древних культур Забайкалья. - Новосибирск: Наука, 1983.-С.85-101.

Кузнецова Т.М., 1980 Зеркала из сарматских погребений Ставрополья *II* КСИА. - 1980. - № 162. -С.101-104.

Кунгуров А.Л., 1999 Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в 11риобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. -С. 92-98.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., 1989 Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена - СА. - 1989. - № 1. - С. 19-32.

Мандельштам А.М., 1992 Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сар.матское время. - М.: Наука, 1992.- С. 178-196. - (Археология СССР).

Маргулан А.Х., 1979 Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1979.-360 с.

Марсадолов Л.С., 1985 Хронология курганов Алтая (Vin-rv вв. до н.э.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. -Л., 1985.-16с.

Мартынов А.И, 1972 Тисульские курганы татарской культуры // Изв. / лаборатории археологических исследований. - Кемерово: Изд-во КемГПУ, 1972. - Вып. 4.-С. 3-116.

Мартынов А.И., 1973 Ягуня. - Кемерово: Изд-во КемГУ, 1973.-317 с.

Мартынов А.И., 1975 История лесостепных татарских племен в VI-1 вв. до н.э.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1975. - 46 с.

Мартынов А.И., 1979 Лесостепная татарская культура. -Новосибирск: Наука, 1979.-208 с.

Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986 История и палеоантропология скифо-сибирского мира: Учеб. пособие. - Кемерово: Изд-во КемГУ, 1986. -144 с.

Мартынов А.IL, Мартынова Г.С., Кулемзин А.М., 1971 Шестаковские курганы. - Кемерово: Изд-во КемГПУ, 1971.-249 с.

Могильников В.А., 1997 Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тыс. до н.э. -М.: Изд-во ОНТИПНЦ РАН, 1997.-195 с.

Окладников А.П., 1955а Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - Ч. 3: Глазковское время. - 374 с. - (МИ А № 43).

Окладников А.П., 19556 История Якутской АССР. -М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству. - 428 с.

Окладников А.П., 1982 У истоков археологии Сибири (археология сегодня) *II* Изв. / СО АН СССР. Сер. общ.наук. 1982. Вып. 1,№1. -С. 82-96.

Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982 Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). - М.: Наука, 1982.-278 с.

Полосьмак Н.В., 1985 К характеристике раннего железного века севера Барабы // Археология Южной Сибири. -Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. -С. 65-72.

Свинин В.В., 1971 Тырганский могильник // Вопросы истории Сибири. - Иркутск, 1971. - Уч. зап.. вып. 4,ч. 1-С. 140-144.

Семенов Вл.А., 1993 Погребения ранних кочевников в долине р.Торгалык (Тува) // КСИА - 1993. -№209.-С. 82-66.

Смирнов К.Ф., 1964Савроматы. -М.: Наука, 1964. -379 с.

Смотрова В.И., 1980 Отчет о полевых исследованиях Ольхонского отряда археолого-этногра-фической экспедиции Иркутского областного краеведческого музея летом 1980 г. - Иркутск, 1980. - 24 с.

Сосновский Г.П., 1941 Плиточные могилы Забайкалья. // Тр. / Гос. Эрмитажа. - Л., 1941. - Т. I.- С. 273-309.

Ступни ков Р.Н., 1974 Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской области// Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск: Наука, 1974. - С. 104-109.

Тишкин А.А., 1996 Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. - Барнаул: Изд-во АТУ 19%.-С. 20-54.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994 Больше-реченская культура лесостепного Приобья. - Новосибирск: Наука, 1994. -184 с.

Туркин Г.В., 1995 Новые данные по плиточным могилам Предбайкалья //Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXV РАЭСК. -Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. - С. 82-83.

Туркин Г.В., 1996 Новые данные по плиточным могилам Приольхонья *II* Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXVI РАСК. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 19%. - Ч. 2. -С. 84-87.

Туркин Г.В., 1998 Некоторые вопросы изучения плиточных могил Приольхонья // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят, ун-та, 1998. - С.69-72.

Туркин Г.В., 2003 Лесостепное Предбайкалье в конце II -1 тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис.... канд. ист. наук. - Иркутск., 2003. - 24 с.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999 Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-Ш, XI, XIV) *II* Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. -Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. - С. 219-226.

Хазанов А.М., 1964 Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов - СЭ - 1%4. - № 3. - С. 89-96.

Харинский А.В., 1995 О появлении скотоводства в Предбайкалье *II* Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. - Омск: Изд-во Омск, ун-та, 1995.-Ч. 2. - С. 95-98.

Харинский А.В., Зайцев М.А., 1995 Исследование плиточных могил Приольхонья // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. - Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1995. - С, 195-197.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В., 1995 Плиточные могилы Приольхонья *II* Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ: Изд-зоБНЦ СО РАН, 1995. -С. 64-78.

Цыбиктаров А.Д., 1998 Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. -Улан-Удэ: Изд-во Бурят, гос. ун-та, 1998.-288 с.

Членова Н.Л., 1967 Происхождение и ранняя история племен татарской культуры. - М.: Наука, 1967. -298 с.

Членова НЛ., 1992 Татарская культура *II* Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992. - С. 206-224. - (Археология СССР).

Членова НЛ., 2001 Была ли ленская и ангарская тайга прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа? - РА. - 2001 .-№ 4. - С. 53-68.

Ширин Ю.В., 1999 Погребения скифского времени в Кузнецкой котловине // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1999.-С. 237-240.

Шмыгун П.Е., Сергеева Н.Ф., Лыхин Ю.П., 1981 Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 46-50.

Шульга П.И., 1996 Об эволюции раннекочевнической узды VII-VI вв. до н.э. *II* Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. - Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1996. - С. 261 -264.

Эрдэнэбаатар Д., **1995** К вопросу о погребальных обрядах населения плиточных могил // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, **1995.**-С. **84-91.**

Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С., 2000 Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии//РА. - 2000.-Х» 2.-С. 140-148.

Яблонский Л.Т., 1996 Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). -- **М.,** 1996. -185 с.

Andersson J.G., 1933 Selected Ordos Bronzes. -Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. -Stockholm, 1933, №5, p. 143-154 +XVI pi.

Summary

The Cist graves are the burial objects arranged as a rectangle of the vertical installed flagstones. On the western coast of the Baikal Lake this graves were made on the Late Bronze and Early Iron Ages (XIII-XII - III-II centuries B.C.). The history of their research in Cisbaikalian is over 120 years. Hence the archaeological collections excavated from Cist graves really are not published. This paper is devoted to the putting the data and results of researching of the Cist graves situated near the OLzontey Valley (Olkhon Region) into the scientific use. The research results sufficiendy add the factological base of the burial rites of the inhabitants of Priolkhonje (i.e. Olkhon Region) in I millennium B.C. The few artifacts made in so-called scytho-siberian style are unique and have not analogies.